

Азиза Абдраимова

12+

Жибек

Азиза Абдраимова

Жибек

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Абдраимова А.

Жибек / А. Абдраимова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

До появления Арлана Боранбаева жизнь юной Жибек шла по безупречному плану. А сейчас, измученная сплетнями и «травлей» в социальных сетях, она закрылась от всех в стенах своего большого дома. Удастся ли Жибек когда-нибудь, вопреки общественным условностям, обрести настоящее счастье? Приятного чтения! С уважением, Азиза Абдраимова.

ВСЕ СОБЫТИЯ И ПЕРСОНАЖИ ВЫМЫШЛЕНЫ, ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ.

Часть 1

Глава 1

В один из солнечных и теплых дней, несколько мужчин получили совершенно одинаковые письма от Бекжана Устемирова, жителя города Нур – Султан, дяди некой Жибек Рахимбаевой. Адресатов этих писем объединяло только одно: все они два года назад пытались «займечь» себе в жены его племянницу Жибек и получили категорический отказ.

Каждый из них после доходчивого разъяснения ситуации Устемировым Бекжаном на листе бумаги А4, испытав неподдельное удивление и недоумение, иронично улыбнулись, ощутив прилив злорадного удовлетворения. Практически все из них сразу же ответили вежливым отказом на совершенно странное, почти, неблагопристойное предложение Бекжана Устемирова. И только трое из получателей отреагировали так, как ему это было выгодно.

Торе Салемханов только что вернулся с охоты, которой посвящал все свободное время, когда в дом вошел управляющий частного загородного поместья и передал ему письмо. «Ничего себе», – выдохнул Торе, закончив чтение. Письмо это гласило что, Бекжан Устемиров хотел бы выдать свою племянницу Жибек Рахимбаеву замуж. Поэтому, писал Бекжан, учитывая, что Торе Салемханов когда-то настойчиво «ухаживал» за Жибек, он предлагал пригласить его племянницу к себе погостить (само с собой, не одну, а вместе с тетей), чтобы они могли «продолжить общение».

Не в состоянии поверить написанному, Торе походил по комнате и еще дважды перечитал письмо целиком. «Ничего себе», – проговорил он опять. Запустив пальцы в свои волосы, он бессознательно оглядел стену напротив, увешанную его ценнейшими сокровищами – головами животных, убитых им в разных частях света. Рогатое животное уставилось на него остекленевшим взглядом, рядом с ним сердито заворчала голова дикого кабана. Подойдя поближе, Торе с неуместной в данном случае нежностью, почесал лося за рогами, выразив ему этим жестом свою признательность за тот чудный день охоты, ознаменовавшийся этим трофеем.

Прекрасный образ Жибек Рахимбаевой всплыл у него перед глазами – ее невероятно красивое, словно выточенное на камне лицо, карие глаза и нежные, улыбающиеся губы. Когда он впервые увидел ее полтора года назад, то сразу подумал, что это самая красивая девушка, которую он встречал в своей жизни. После второй встречи его настолько покорили простота и непосредственность этого прелестного восемнадцатилетнего создания, что он решил, во что бы то ни стало завести с ней романтические отношения и получить молодую красавицу в жены. Без одобрения Марата, брата Жибек, он не осмелился подобраться ближе к его сестре. Но тот холодно отказал ему.

Очевидно, Бекжан Устемиров, который теперь стал ее единственным близким родственником по крови, оценил Торе по менее жестким стандартам. А может быть, за этим решением стояла сама Жибек, возможно, те две встречи значили для нее так же много, как и для него.

Встряхнув головой, Торе подошел к третьей стене, на которой были вывешены различные виды багров для рыбной ловли, и задумчиво выбрал один из них. Сегодня должен быть хороший улов, подумал он, вспоминая темные, как горький шоколад волосы, красиво контрастирующие со сливочным оттенком кожи Жибек. Ее волосы блестели на солнце, напоминая ему блеск черного бриллианта. Эта аналогия показалась ему такой удачной и поэтичной, что Торе на мгновение застыл, потрясенный этим удачным сравнением. Он решил, что, когда Жибек

приедет к нему в следующем месяце, сделает ей комплимент в точности этими словами. Торе Салемханов был первым, кто послал положительный ответ ее дяде.

Максат Елеусинов, еще один адресат Бекжана Устемирова, прочитал его письмо, сидя в своей спальне, завернувшись в атласный халат. Его любовница лежала на кровати в противоположном конце комнаты и ждала, когда он закончит читать.

– Максат, жан, – проворковала она, подскрёбывая ногтями по атласным простыням, – что в этом письме такого важного, что ты сидишь там вместо того, чтобы лежать рядом со мной?

Он поднял голову и передернулся от звука, который она производила ногтями.

– Не рви простыни, айналайын, они стоят по триста тысяч тенге за штуку.

– Если бы ты любил меня, – ответила она, стараясь говорить не слишком ноющим голосом, – ты бы не думал об их стоимости. Максат Елеусинов был так прижимист, что временами Айлин задумывалась, выгадает ли она что-нибудь, кроме одного-двух платьев в год, если выйдет за него замуж.

– А ты, если бы любила меня, больше пеклась бы о моем кошельке, – последовал незамедлительный ответ.

Как в пять, так и в тридцать с лишним лет Максат не был женат, однако он никогда не страдал от недостатка женского общества и без памяти любил представительниц слабого пола – их тела, лица, и опять тела...

Однако в настоящий момент ему был нужен законный наследник, а для этого требовалась жена. Весь последний год он довольно много размышлял, определяя для себя, каким требованиям (надо сказать, довольно строгим) должна отвечать та любимица фортуны, которую он, в конце концов, изберет. Он хотел, чтобы его жена была и молода, и красива и желательно из богатой семьи, дабы предотвратить посягательство на его собственное состояние.

Поверх письма Бекжана он бросил жадный взгляд на грудь Айлин и мысленно добавил новое требование к своей будущей жене: она должна понимать, что его чувственные аппетиты очень сильны, и он нуждается в разнообразии сексуального меню. Она не должна закатывать истерики только оттого, что он заведет легкую интрижку. Он не намерен в тридцать с лишним лет выслушивать от какой-нибудь девчонки ханжеские нотации о верности и морали. Образ Жибек еще больше выигрывал по сравнению с его обнаженной любовницей. Какой аппетитной маленькой штучкой она была два года назад, когда он делал ей предложение. Тонкая талия, пышная грудь, лицо... незабываемое... Однако после гибели ее отца и загадочного исчезновения брата пошли слухи, что она осталась почти без гроша, но из письма ее дяди явствовало, что она принесет мужу солидное приданое, а это означало, что слухи, как всегда были только слухами.

– Максат!

Поднявшись, он прошел через комнату и сел возле Айлин. Ласково положив руку ей на бедро, другой рукой он дотянулся до телефона.

– Секунду, сладкая, – сказал он, и начал набирать номер. После не долгих разъяснений

– Да, отправь утвердительный ответ, – сказал Максат, и отключил связь.

Последнее послание было направлено из известного ему адресата в его рабочее место: там, среди горы деловой и светской корреспонденции, оно и оказалось, ожидая своего часа. Арлан Боранбаев вскрыл послание Бекжана Устемирова, не переставая быстро надиктовывать инструкции своему новоиспеченному помощнику. Чтобы принять решение, ему вовсе не потребовалось так много времени, как Салемханову или Елеусинову.

Он смотрел на письмо в полном недоумении, в то время как его помощник, получивший эту работу всего неделю назад, прислушиваясь к каждому его произнесенному слову, не

на секунду не забывая о своем испытательном сроке, пытался угнаться за быстрой диктовкой своего работодателя.

– Либо это чья-то ошибка, либо какая-то злая шутка. В противном случае это отвратительно, – пробормотал Арлан с окаменевшим лицом.

Воспоминание о Жибек Рахимбаевой всколыхнуло в памяти Арлана – маленькая, пустая, меркантильная кокетка с лицом и телом, которые, как наркотик, притупили его ум. Когда он встретил ее, она встречалась с кем-то вроде из золотой молодежи. Видимо, она так и не вышла за своего мажора, – должно быть, бросила его ради кого-нибудь более высокого полета. Ему было хорошо известно, что представители казахстанской знати вступали в брак только ради престижа и денег, после чего супруги искали выход своим нежным чувствам где-нибудь на стороне. Очевидно, родственники Жибек Рахимбаевой снова вывели ее на брачный аукцион. Коли так, они, должно быть, чертовски жаждут сбросить ее с рук, если ради денег Арлана наплевав на гордость предлагают такое ... Это послание скорее всего чья-нибудь глупая шутка. Человек этот, без сомнения, не забыл слухи, которые ходили после того случая, и решил, что Арлан найдет эту шутку забавной.

Отбросив мысли о шутнике и Жибек, Арлан перевел взгляд на своего замученного помощника, который продолжал писать, как заведенный. «Ответ не нужен», – сказал он и перебрал письмо

через стол помощнику, но белый пергамент соскользнул с полированного дуба и плавно опустился на пол. Серик неуклюже подпрыгнул, чтобы поймать его, и вся остальная корреспонденция упала на пол с его колен.

–Кешіріңіз, – забормотал помощник, вскакивая и сбивая в кучу бумаги, рассыпавшиеся по ковру.

– Кешіресіз, Арлан Султанович, – добавил он, хватая контракты, приглашения, письма и складывая их в беспорядочную кучу.

Начальник, похоже, не слышал его. Он уже выдавал новые инструкции и переправлял через стол приглашения и письма.

– Отклоните первые три, примите четвертое, пятому откажите,

На это пошлите мои соболезнования. На это объясните, что я собираюсь поехать на ферму, и отправьте приглашение встретиться там, одновременно с этим пошлите распоряжение приготовить коттедж к моему приезду.

Серик высунул голову из-за стопки бумаг, которые прижимал к груди.

– Понял, Арлан Султанович, – сказал он, пытаясь придать своему голосу уверенность. Но когда стоишь на коленях и все еще собираешь разбросанные бумаги, очень трудно сохранять уверенность в себе. Серику это было еще труднее, так как он не был точно уверен, что правильно запомнил, к каким письмам и приглашениям относились инструкции шефа.

Весь остаток дня он работал в своем кабинете с Сериком, который совершенно обессилен от непрерывного решения сложных перед ним задач.

Вечер Арлан провел с Габит Калижановым, известным бизнесменом, вошедший в список самых богатых, по версии журнала “Forbs”, людей Казахстана, своим будущим тестем, обсуждая условия брачного контракта. А Серик тем временем весь вечер пытался выяснить у водителя, какие приглашения, по его мнению, шеф должен был бы принять, а какие отклонить.

Глава 2

Айман апа, выполнявшая когда-то работу няни Жибек, помогла ей занести пакеты с продуктами. Жибек, дочь когда-то успешного и богатого, а ныне покойного Абай Рахимбаева, вышла из старенькой “Toyota”, которую уже давно следовало заменить на более новый авто-

мобиль. «Рахмет Айман апа,», – сказала она, признательно улыгнувшись полной женщине с добрыми глазами.

В эту минуту юная Жибек даже отдаленно не напоминала девушку, принадлежащую к среднему звену, более того, ее вряд ли можно было назвать даже просто красивой. Голова ее была повязана голубой косынкой, скромное платье без какой бы то ни было отделки, давно вышло из моды, через плечо была заброшена маленькая сумочка, которую она всегда брала с собой, когда отправлялась за покупками на базар, либо в оптовый супермаркет. Но ни блеклый наряд, как простое платье, ни сумочка, скромно висевшая на плече, не смогли изменить породистую внешность Жибек настолько, чтобы ее можно было назвать обычной. Черные волосы роскошной волной падали из-под косынки ей на спину, когда же она снимала косынку, которую повязывала, только выходя на базар, эти чудные волосы, редко заплетавшиеся в косу, лежали на плечах, обрамляя потрясающей, безупречной красоты лицо. У нее были прекрасно вылепленные высокие скулы, сливочного оттенка кожа дышала здоровьем, так же свежи и нежны были мягко очерченные, пухлые губы. Но больше всего в ее внешности привлекали глаза – под разлетающимися бровями, окаймленные длинными загнутыми ресницами они были поразительного цвета. Не просто карие, а темного, как горький шоколад цвета глаза, очень выразительные, которые сверкали, как алмазы, когда она была счастлива, и темнели, как река перед грозой, когда она грустила или задумывалась.

Айман апа с надеждой впилась глазами в содержимое пакетов, завернутое в бумагу, но Жибек с сожалеющей улыбкой покачала головой.

– Там нет пирожных, Айман апа. Они оказались слишком дорогими, и Гульнар тате никак не хотела проявить благоразумие. Я сказала ей, что куплю всю коробку, но она не согласилась сбросить цену больше, чем на тенге. Призналась она, засмеявшись, – на прошлой неделе, увидев, что я свернула к ее магазину, она спрятала пирожные в холодильник!

–Қайтед тойымсыз! – сказала Айман апа, усмехнувшись. Всем торговцам в округе было известно, что Жибек держалась за каждый тенге до последнего, и, когда она начинала сбивать цену, а делала она это неизменно, лишь немногие могли устоять под напором ее аргументов. В этой борьбе главным ее преимуществом была не красота, а интеллект, она не только умела мгновенно складывать и умножать в уме любые цифры, но, перечисляя причины, по которым, на ее взгляд, следовало бы сбросить цену, была так изобретательна, что либо доводила своих оппонентов до изнеможения, либо окончательно запутывала, вынуждая их нехотя с ней соглашаться.

Столь расчетливое отношение к деньгам Жибек проявляла не только во время покупок, и в самой жизни она придерживалась такой же тактики, экономя буквально на всем, и в конце концов это принесло свои плоды. В девятнадцать лет девушка осталась совсем одна, и волею-неволей ей пришлось взвалить на свои плечи все заботы о доме, унаследованном ею от родителей, содержать пожилую бабушку, Ильяса- внебрачного, семилетнего сына отца от любовницы – , которая куда-то бесследно исчезла, сразу же после его рождения. И Айман апа с больной дочерью, живущая у них с давних времен финансового изобилия.

С помощью незначительной финансовой поддержки своего прижимистого дяди, Жибек удалось сделать почти невозможное: вот уже два года она спасала большой дом, когда то построенный ее отцом, от коварного Центрального Банка, когда то выдавший кредит ее бабушке, а также оплачивала сезонное лечение дочери Айман апа. Она на самом деле считала их членами своей семьи. Она чувствовала большую ответственность за всех. Еще одна хитрость, которую придумала Жибек, была Арайлым. Эта женщина снимала у них одну из светлых спален. И теперь оплачивать коммунальные платежи было куда легче. И хотя Жибек знала, что сейчас они вполне себе могут позволить жить в этом доме, но она также понимала, что сделайся проценты кредита немного выше, после еще одной прогнозируемой девальвации, они уже не смогут позволить себе остаться в этом особняке.

Жибек передала пакет Айман апа и в утешение сказала:

– Вместо пирожных я купила клубнику.

Затем Жибек вымыв руки начала помогать Айман апа раскладывать купленное по местам, прикидывая в уме, какие записи нужно сделать в расходной книге.

Ильяс распахнул перед ней дверь, на его детском лице было написано сильное волнение. Тонем человека, которого распирает от радости, чтобы показать это, он провозгласил:

– К нам пришла тетенька!

Вот уже полтора года у нее не было гостей, поэтому неудивительно, что Жибек вслед за смятением, охватившим ее в первый момент, почувствовала прилив ребяческой радости. Это не мог быть кредитор – она распродала почти всю мебель и очистила дом от всего мало-мальски ценного, зато полностью расплатилась со всеми мелкими долгами.

– Кто это? – спросила Жибек, входя в холл и развязывая косынку.

Сияющая улыбка расплылась по всему лицу Анар.

– Анара! От радости и невозможности поверить в это Жибек на мгновение застыла, а потом развернулась и помчалась по коридору со скоростью, срывая на ходу косынку. В дверях она внезапно остановилась, косынка повисла у нее в руках, и взгляд упал на красивую молодую шатенку в элегантном бордовом костюме, стоявшую посреди комнаты. Шатенка повернулась, девушки взглянули друг на друга, и в уголках их губ, и в глубине глаз заиграли улыбки. Жибек, переполненная восхищением, удивлением и радостью, наконец прошептала:

– Анека! Это действительно ты?

Шатенка улыбнулась, теперь уже открыто.

Они еще немного неуверенно постояли, каждая из них отмечала драматические перемены в другой, произошедшие за эти полтора года, и каждая испытывала легкую тревогу, когда обнаруживала, что перемена была слишком сильной. В безмолвной комнате воспоминания о детской дружбе и давней привязанности друг к другу быстро начали обступать их со всех сторон, затем подтолкнули вперед, вставив сделать один нерешительный шаг навстречу, после чего они побежали и обхватили друг друга руками, сжимая в неистовых объятиях, смеясь и плача от радости.

– Анека, ты так замечательно выглядишь! Я так скучала по тебе! – засмеялась Жибек, снова стиснув подругу. В Казахском сообществе семья Анар занимала завидное положение, но для Жибек она была просто Анека, ее старинной подругой, подругой, которая долгое время живет за границей и вряд ли могла знать, как круто изменилась жизнь Жибек во время ее отсутствия.

Потянув подругу к дивану и усадив, Жибек обрушила на нее стремительный поток вопросов. «Когда ты вернулась из Италии? Счастлива ли ты? Как ты оказалась здесь? Как долго ты здесь пробудешь?»

– Я тоже скучала по тебе, – сказала Анар, радостно смеясь и отвечая на вопросы Жибек в том же порядке, в каком они были заданы. – мы переехали в Алматы пару дней назад, ты же знаешь родители мои сейчас там. И мы с Роберто тоже решили пожить в Казахстане. Я невероятно счастлива. И здесь, чтобы повидать тебя, конечно же, и погощу несколько дней, если ты не возражаешь.

– Конечно, не возражаю! – весело сказала Жибек. – У меня нет абсолютно никаких планов, за исключением сегодняшнего дня. Сегодня ко мне должен приехать дядя.

В действительности список развлечений Жибек был абсолютно пуст на все двенадцать месяцев в году, но визиты ее дяди были еще большим несчастьем, чем отсутствие визитов вообще. Но сейчас все это не имело значения. Жибек была так счастлива снова видеть свою подругу, что беспрерывно улыбалась и ничего не могла с этим поделать.

Как когда-то в юности, поджав под себя ноги, стали болтать обо всем сразу, как будто и не было этих почти что двух лет, они вспоминали свои детские годы, и их лица попеременно становились то счастливыми, то нежными и печальными.

– Ты сможешь когда-нибудь забыть, – смеясь, спросила Жибек двумя часами позже, – какие смешные игры мы устраивали, когда нас пригласили к Айгерим на день рождения?

– Никогда, – улыбнулась при этом воспоминании Анара.

– На танцах, ты всегда танцевала лучше меня, – напомнила Жибек.

– Да, зато ты была первой красавицей школы! – Анар вздохнула. – Мне не хватало тебя.

– Не так сильно, как мне тебя. Меня тогда частенько не пускали на наши школьные вечеринки, я изнывала от тоски, представляя, как вы там все веселитесь. А потом мы с Маратом решили устраивать собственные вечеринки в отсутствии родителей, – добавила она и засмеялась, вспомнив себя и своего сводного брата в те далекие дни.

В ту же секунду улыбка сошла с лица Анар.

– А где Марат? Ты ни разу о нем не упомянула.

– Он... – Марат ... Заколебалась, понимая, что невозможно рассказать об исчезновении брата, умолчав обо всем, что этому предшествовало. С другой стороны, сочувствие, проскальзывавшее в глазах Анары, вызывало Жибек подозрение, что ее подруге уже известна вся история. Бесстрастным голосом она произнесла:

– Марат исчез полтора года назад. Я думаю, это может быть связано с... в общем, с долгами. Давай сейчас не будем об этом, – торопливо добавила она.

– Хорошо, – согласилась Анар, изображая беспечную улыбку. – Тогда, о чем мы будем говорить?

– О тебе, – сразу нашлась Жибек. Анара была старше Жибек, но время потекло вспять, когда Анар стала рассказывать о своем муже- италянце, которого она явно обожала. Жибек внимательно слушала описания удивительных мест, в которых они побывали. Муж специально повез ее в свадебное путешествие вокруг света, чтобы показать ей все те места, которые он уже видел и очень любил.

– А теперь расскажи мне какие-нибудь новости, – сказала Жибек, когда Анар прервала свой рассказ о виденных ею городах.

– А что бы ты хотела знать? – очнувшись от воспоминаний, спросила Анар.

Жибек наклонилась вперед и уже было открыла рот, чтобы спросить о вещах, которые так много значили для нее, но гордость помешала ей задать эти вопросы.

– О... да ничего в особенности, – солгала она. «Я хочу знать, являюсь ли я предметом насмешек или осуждения моих подруг, или – что еще хуже – их жалости, – подумала Жибек. – Я хочу знать, распространились ли слухи о моей бедности. Но больше всего я хочу знать, почему никто из них ни разу не потрудился навестить меня или хотя бы написать».

Полтора года назад, когда они с подругами начали посещать светские вечеринки, Жибек имела бешенную популярность у противоположного пола, а количество предложений руки и сердца, которые она получала, исчислялось рекордными цифрами. И вот сейчас, в двадцать лет, она оказалась отторгнутой от того же самого общества, которое когда-то обласкивало и восхваляло ее и даже старалось ей подражать. Жибек стала центральной фигурой скандала, слух о котором распространился в свете, как пожар.

Глядя на Анару с чувством неловкости, Жибек спрашивала себя, знают ли они всю историю целиком или только о самом скандале и говорят ли еще об этом или наконец предали инцидент забвению.

Анар переехала жить в Италию, после замужества, как раз перед тем, как этому случиться, и Жибек гадала, успела она услышать подробности об этом после возвращения или нет.

Эти вопросы стучали у нее в мозгу, но задавать их было слишком рискованно. Ее удерживали от этого две причины: во-первых, Жибек боялась, что, услышав ответы, Анар распла-

чется, а она сама не собиралась плакать. А во-вторых, чтобы задать Анар вопросы, ответы на которые ей так хотелось получить, нужно было сначала рассказать подруге обо всем, что случилось. А простая правда заключалась в том, что Жибек чувствовала себя слишком одиноко и сиротливо, чтобы так рисковать, – кто знает, может, узнав обо всем, и Анар откажется от нее.

– Так что же конкретно тебе хотелось бы узнать? – повторила Жибек все с той же жизнерадостной, не ведающей улыбкой, которую она надела себе на лицо, улыбкой, за которой прятала от своей гордой подруги печаль и сострадание.

– Все! – мгновенно ответила Жибек.

– Ну тогда, – сказала Анар, мысленно выталкивая из комнаты облако невысказанных вопросов Жибек, – Серик так и засвтал Лаурку!

– Как хорошо, – ответила Жибек, тихо и ласково улыбувшись, в голосе ее звучала искренняя радость. – Он очень хорош собой и из богатой семьи.

– Он неисправимый бабник и заведет себе токал не позже, чем через месяц после того, как пройдет той, – высказалась Анар со свойственной ей прямоотой, которая всегда шокировала и одновременно привлекала Жибек.

– Надеюсь, что ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь. Но если ты так думаешь, может быть, заключим пари? – предложила Анар, так обрадовавшись, что в глазах подруги снова заискрился смех, что не подумала о том, как бестактно ее предложение. – Скажем, тысяч на тридцать?

Внезапно Жибек почувствовала, что больше не может выносить этой неизвестности. Ей надо было знать, привела к ней Анар верность их дружбе, или она оказалась здесь, ошибочно полагая, что Жибек все еще самая популярная девушка Казахстана. Встретившись взглядом с зелеными глазами, Анар, Жибек произнесла со спокойным достоинством:

– У меня нет тридцати тысяч, Анар. Анар ответила ей таким же прямым взглядом, сморгнув навернувшиеся слезы жалости.

– Я знаю.

Жибек научилась встречать невзгоды с высоко поднятой головой, загнав страх поглубже. Но теперь, столкнувшись с добротой и преданностью подруги, она чуть не расплакалась столь ненавистными ей слезами, которых никто не смог из нее выжать даже в то время, когда разразилась трагедия. Сдавлившие горло слезы мешали ей говорить, и Жибек с трудом пробормотала:

– Спасибо.

– Тебе не за что меня благодарить. Мне пересказали всю эту грязную историю, и я не верю ни единому слову! Больше того, я хочу, чтобы ты приехала в Алматы и пожила у нас. – Наклонившись вперед, Анар взяла ее за руку. – Ради твоей же собственной гордости ты должна поставить их всех на место. Я помогу тебе. Даже больше: я уговорю свою мать воспользоваться для тебя своим влиянием. Верь мне, – закончила Анар с любящей улыбкой, – никто не посмеет пройти мимо тебя, если за тобой будет стоять моя мама.

– Пожалуйста, Анар, перестань. Ты сама не знаешь, что говоришь. Даже если бы я захотела, а я этого не хочу. Я уверена, что она знает обо мне все. Я имею в виду то, что обо мне говорят. Анар не смутила ее возражения.

– Ты права только в одном – она действительно слышала эти сплетни. Но после того, как я поговорила с ней, она захотела встретиться с тобой и составить собственное мнение.

Жибек покачала головой, сглотнув комок в горле. Она была благодарна подруге, но страдала от униженности своего положения.

– Я очень признательна тебе, правда, но я просто не вынесу этого.

– Я уже приняла решение, – мягко предупредила ее Анар. – Мой муж уважает мое мнение, поэтому я не сомневаюсь, что он тоже согласится. А что касается платьев, то у меня их множество, почти совсем новых. Я одолжу их тебе...

– Ни в коем случае! – вспыхнула Жибек. – Пожалуйста, Анар, – умоляюще сказала она, испугавшись, что может показаться неблагодарной. – Оставь мне хоть немного гордости. И кроме того, – добавила она с легкой улыбкой, – я вовсе не так уж несчастна, как ты, кажется, думаешь. У меня есть ты. И у меня есть свой дом.

– Я знаю, – сказала Анар. – Но я также знаю, что ты не можешь оставаться здесь всю свою жизнь. Тебе необходимо строить свою личную жизнь, не хорони себя в этих четырех стенах! Когда ты приедешь ко мне в Алматы, тебе вовсе нам обязательно будет куда-то выезжать, если ты этого хочешь. Мы просто будем все время вместе. Я так соскучилась по тебе.

– Ты будешь слишком занята, чтобы уделять мне внимание, – сказала Жибек, вспомнив круговорот развлечений, которыми были отмечены их когда-то веселые выходные проведенные вместе с Анар в Алматы.

– Я не буду так уж занята, – сказала Анар, и глаза ее загадочно заблестели. – Я жду ребенка.

Жибек обняла подругу.

– Я приеду! – согласилась она прежде, чем успела как следует обдумать свое решение. – Но я ведь могу остановиться в доме своего дяди, если его в это время не будет в городе.

– У нас, – упрямо сказала Анара.

– Посмотрим, – так же упрямо проговорила Жибек и тут же восторженно рассмеялась. – Ребенок!

– Извините, – прервала их Айман апа, входя в гостиную. – Только что прибыл ваш дядя, – с огорчением в голосе доложила она. – Он хочет видеть вас немедленно в кабинете.

Когда Айман апа ушла, Анар вопросительно посмотрела на Жибек.

– Зачем Ильясу няня, и кто это женщина, которая представилась как Арайлым, и молодая девушка, правда я не запомнила ее имя... Ты распустила всю службу?

– Они моя семья, – ответила Жибек. – Пока не пропал Марат, мы сократили их, оставив только водителя и садовника и няню, но мой дядя всех их уволил. Он сказал, что они не нужны нам, изучив состояние наших дел, он разъяснил мне, что мы не в состоянии платить им заработную плату. Тем не менее, Айман апа все же осталась, – добавила она, улыбнувшись. – Она прожила в этом доме всю свою молодость. Затем мы решили перевезти с Алматы ее дочь. Для них это такой же дом, как и для меня.

Встав на ноги, Жибек подавила в себе всплеск страха, который был не более чем обычным рефлексом на дядю.

– Это не займет много времени. Бекжан ага не любит оставаться здесь дольше, чем того требует крайняя необходимость.

Айман апа зашла под предлогом того, что ей нужно захватить поднос с чаем, и дождалась ухода Жибек. Когда она удалилась на достаточное расстояние, чтобы не слышать их, она обратилась к Анар, которую помнила еще взъерошенной девочкой, носившейся по комнатам в мальчиковых бриджах.

– Прошу простить меня, – она говорила официальным тоном, но на ее добром старом лице была написана искренняя озабоченность, – Айналайын, как я рада, что ты здесь, особенно сейчас, когда сюда приехал Бекжан?

– Ну что вы, Рахмет, Айман апа. Я тоже рада снова увидеть вас. А что, с Бекжан ага связано что-нибудь неприятное?

– Похоже, что на этот раз да.

Она замолчала, чтобы подойти к дверям и выглянуть украдкой в коридор, затем вернулась к Анаре и доверительно сообщила:

– Нам с Гулдерай – это моя дочка – что-то не понравилось, как он сегодня выглядит. И еще, – заявила она, взяв в руки чайный поднос, – Я осталась здесь не ради личной выгоды. – На бледных щеках Айман апа выступила краска смущения, и голос стал хриплым от обуревавших

ее чувств. – Я осталась ради нашей Жибек. Бабушка очень стара и уже совершенно не понимает того, что происходит вокруг. Жибек рано лишилась матери. Она выросла на моих глазах. Понимаешь, ведь я – все, что у нее осталось.

Это изъявление преданности вызвало на глазах Анар слезы еще прежде, чем она добавила:

– Мы не должны позволить этому дяде испортить ей настроение, как он всегда делает.

– А вы знаете способ помешать ему? – спросила Анара, через силу улыбаясь.

Айман апа выпрямилась, кивнула и со значением и важностью сказала:

– Ну, я, например, предлагаю спихнуть его с моста или добавить яд в его чай.

В ее словах звучали ярость и злость, но в них не чувствовалось по – настоящему злого умысла, поэтому Анара с заговорщическим видом лукаво улыбнулась:

– Думаю, способ с ядом лучше, – он как-то чище. На шутивное замечание Анар, Айман апа ответила, как ей казалось загадочной, но в действительности смешной и доброй ухмылкой, но когда они снова взглянули друг на друга, то словно заключили негласный договор. Айман апа дала ей понять, ее беспокоит нынешнее состояние Жибек, и что она рассчитывает на ее помощь.

Бекжан Устемиров увидел входящую в кабинет племянницу, и глаза его сузились от раздражения: даже теперь, когда она была не более чем обедневшей сиротой, ее осанка не утратила царственной грации, а маленький подбородок был по-прежнему упрямо вздернут вверх. Она была по уши в долгах, в которых запутывалась все сильнее с каждым месяцем, но она продолжала ходить с высоко поднятой головой, в точности как ее самонадеянный, пренебрегающий опасностями отец. В пятьдесят лет, катаясь на яхте, со своей очередной любовницей утонул. К тому времени он уже проиграл значительную часть своего состояния, оставленного ему отцом, и тайно заложил свой бизнес. Это не помешало ему, однако, расхаживать с высокомерным видом и до последнего дня жить на широкую ногу, как и полагается привилегированному аристократу.

Будучи младшим сыном в семье, Бекжан Устемиров не унаследовал, ни денег, ни бизнеса, однако беспримерным трудом и постоянной умеренностью сумел сколотить себе значительное состояние. Он ушел из дома ни с чем, кроме самого необходимого, но неустанно трудился, чтобы улучшить долю, доставшуюся ему, он сторонился чар и соблазнов светской жизни не только из-за непомерных трат, но также из-за того, что не хотел находиться на задворках общества.

И несмотря на все эти жертвы, на то, что они с женой столько лет вели спартанский образ жизни, судьба не стала к нему благосклоннее. Отсутствие наследника было вечной печалью Бекжана, ему некому было оставить свое состояние и бизнес – Своим племянником Ильяса, внебрачного сына Абая, он не считал, так как мать его была из категорий женщин легкого поведения, да и вообще, не исключено, что он ни коим образом не является ему кровным родственником. Разве что сыну Жибек, которого она могла родить, выйдя замуж.

Сейчас, когда он смотрел, как она усаживается за стол напротив него, ирония ситуации с новой силой больно поразила его: нет, где же справедливость? Он всю свою жизнь работал, отказывая себе в самом необходимом... и все, что он накопил, достанется будущим внукам его беспутного брата. И вдобавок к этому он еще вынужден расхлебывать кашу, которую заварил брат Жибек, Марат, перед тем как исчезнуть почти два года назад. Все это так надоело ему, что Бекжан решил наконец выполнить изложенную в письменном виде волю отца Жибек, которая заключалась в том, что он хотел выдать свою дочь замуж за человека по возможности знатного и богатого. Месяц назад, когда Бекжан взялся за поиски подходящего мужа для Жибек, он рассчитывал, что эта задача будет легко выполнимой. Ведь в позапрошлом году, ее красота, безупречное происхождение и мнимое богатство девушки покорили всего за короткое время рекордное количество мужчин, и она получила пятнадцать предложений руки и сердца.

Но, к удивлению, Бекжана, из этих пятнадцати, всего трое ответили ему согласием, а несколько человек не потрудились даже прислать ответ. Конечно, теперь ни для кого не секрет, что она обеднела, но Бекжан предлагал за племянницей вполне достойное приданое, и конечно же, он не мог не отметить шикарные внешние данные племянницы. По правде говоря, ему лишь бы выгодно сбыть ее с рук. Бекжану, который все рассматривал с позиции денег, казалось, что одного приданого достаточно для того, чтобы девушка считалась завидной невестой. О том скандале, которым было окружено ее имя, Бекжан знал очень мало, а беспокоился об этом еще меньше. Он вообще сторонился социальных сетей, со всеми его сплетнями в комментариях, легкомыслием и бесконечными скандалами.

Вопрос Жибек заставил его очнуться от мрачной задумчивости:

– Что вы хотели обсудить со мной, Бекжан ага? Враждебность и негодование, прозвучавшие в голосе Жибек, грозили обернуться взрывом с ее стороны, поэтому он постарался быть еще более кратким, чем всегда.

– Я приехал сюда сегодня, чтобы обсудить твое предстоящее замужество.

– Мое... мое... что? – ахнула Жибек, настолько потрясенная, что крепкая стена ее невозмутимости рухнула, и на какую-то секунду она почувствовала себя ребенком, – заброшенным, растерянным и загнанным в угол.

– Полагаю, ты меня слышала.

Откинувшись на стуле, Бекжан отрывисто заговорил:

– Я сузил круг предполагаемых женихов до трех человек. Трое из них имеют не плохое состояние. Поскольку для твоего отца деньги имели первостепенное значение, я выберу человека самого высокого ранга из тех, что сделают тебе предложение, тем более что мне есть из кого выбирать.

– Как... – Жибек пришлось сделать паузу, чтобы собраться с мыслями прежде, чем она будет в состоянии заговорить, – ...каким образом вы отобрали этих людей?

– Я собрал имена всех тех твоих поклонников, кому мы когда-то имели глупость отказать. Я послал к каждому из них посыльного, чтобы поставить их в известность, что ты и я – как твой дядя – мы оба хотели бы пересмотреть их кандидатуры в качестве претендентов на твою руку.

Жибек вцепилась руками в подлокотники, пытаясь сдержать ужас.

– Вы хотите сказать, – сказала она задышающимся шепотом, – что вы как бы публично предложили мою руку любому, кто захочет ее принять?

– Да! – отрезал Бекжан, рассвирепев от высказанного ею обвинения, что он вел себя неподобающим образом. – И более того, возможно, тебе будет полезно узнать, что твоя легендарная привлекательность для противоположного пола, судя по всему, осталась в прошлом. Только трое из пятнадцати выразили желание возобновить знакомство с тобой.

Осознав всю глубину своего унижения, Жибек тупо смотрела на стену за его спиной.

– Я не могу поверить, что вы действительно сделали это. На дворе 21 век! Я не бесправное существо! И я не хочу выходить замуж вообще! Удар ладонью по столу прозвучал громовым раскатом.

– Я действовал в пределах своих прав, племянница, и в соответствии со специфическими указаниями твоего отца-расточителя. Позволь тебе напомнить, что, когда я умру, к твоему мужу и впоследствии к вашим детям, перейдут мои деньги. Мои.

Впервые за много месяцев Жибек попыталась понять своего дядю, и где-то в глубине своего сердца она постигла причину его горечи и даже смогла посочувствовать ей.

– Мне очень жаль, что Всевышний не подарил вам собственного ребенка, – произнесла она сдавленным голосом. – Но я в этом не виновата. Я не сделала вам никакого зла, не дала вам никакого повода ненавидеть меня настолько, чтобы так обойтись со мной... – у нее сорвался голос, когда она увидела, как при этих словах ожесточилось его лицо, дядя подумал, что она

упрашивает его. Жибек тут же вздернула подбородок и собрала остатки своей гордости. – Кто, эти люди?

– Максат Елеусинов, сын того самого Елеусинова, нефтяного магната, троюродного брата моей супруги – коротко сказал он.

Жибек в изумлении взглянула на него и покачала головой.

– Меня познакомили со многими, но этого имени не помню.

– Второй претендент Торе Салемханов. Он сын Генерального прокурора. Бабушка моей жены, твоей тети- Аяулым и бабушка отца Салемханова двоюродные сестра.

И снова Жибек совсем запутавшись, покачала головой.

– Имя кажется мне знакомым, но лица я не помню.

Явно разочарованный ее ответами, дядя раздраженно закончил:

– У тебя, похоже, слабая память. Если ты не в состоянии запомнить известные на весь Казахстан фамилии, – саркастически добавил он, – то сомневаюсь, что ты вспомнишь третьего.

Уязвленная его незаслуженным упреком, Жибек холодно поинтересовалась:

– И кто же третий?

– Арлан Боранбаев. Он...

Это имя заставило Жибек вскочить на ноги, в голове у нее зашумело, и ужас сковал все ее тело.

– Арлан Боранбаев! – вскрикнула она, ухватившись ладонями за стол, чтобы не упасть. – Арлан! – повторила она высоким голосом, в котором смешались ярость и истерический смех. – Ага, если Арлан Боранбаев и говорил когда-либо Марату, что женится на мне, то только под дулом пистолета! Его интерес ко мне никогда не подразумевал женитьбу, и Марат ранил его из-за меня!

Вместо того, чтобы смягчиться или расстроиться или на худой конец удивиться, дядя встретил это известие с полным равнодушием.

– Вы не понимаете меня? – яростно спросила Жибек.

– Я понимаю то, что он ответил на мое письмо утвердительно, в очень сердечной форме, – закипая, ответил он. – Возможно, он сожалеет о своем поведении в прошлом и теперь хотел бы заглядеть его.

– Заглядеть! – вскричала она. – Я понятия не имею, испытывает ли он ко мне ненависть или просто презрение, но, уверяю вас, его интерес ко мне никогда не подразумевал женитьбу. Это из-за него я закрылась от общества!

– На мой взгляд, тебе только на пользу быть вдали от разлагающего влияния, но речь не о том. Он принял мои условия.

– Какие условия?

Уже привыкший к тревожным вскрикам Жибек, Бекжан ага бесстрастно изложил, что ее ждет в дальнейшем:

– Семья каждой из трех претендентов приглашает тебя погостить, что-то вроде смотринок. Аяулым тате поедет с тобой. Все они ей дальние родственники, кроме Боранбаева. Так что подозрений это не вызовет. И вообще-то, я надеюсь, что ты остановишься где-то на первых двух претендентах. Первым будет Елеусинов, потом – Салимханов, потом – Боранбаев. К последнему может и не поедете ...

Комната поплыла перед глазами Жибек.

– Я просто не могу этому поверить! – выкрикнула она и в своем несчастье уцепилась за самую значительную из проблем.

– Но моя репутация будет разорвана в клочья, если я проведу неделю в одном доме с мужчиной.

– Тогда просто не рассказывай никому об этом, – отрезал Бекжан. – Я уже сказал, ты будешь не одна, а со своей тетей. И больше никаких возражений. – Закончил он, – вопрос решен. Пока все. Можешь идти.

– Вопрос не решен! Вы хотите меня опозорить! Я не товар! Вы просто пытаетесь выгоднее меня продать! Говорю вам, это какая-то ужасная ошибка! Арлан Боранбаев никогда не захочет видеть меня, даже в большей степени, чем я хочу его увидеть!

– Никакой ошибки, – сказал Бекжан, завершая беседу. – Боранбаев получил наше письмо и сразу же ответил приглашением. Он даже послал указания, чтобы особняк на территории заповедника Аксу- Джабаглы, приготовили к вашему приезду.

– Ваше письмо, – закричала Жибек, – а не мое!

– Я не буду обсуждать с тобой эти подробности, Жибек. Дискуссия закончена.

Жибек медленно сошла в холл и завернула за угол, намереваясь вернуться к Анаре, но у нее так сильно тряслись колени, что она была вынуждена остановиться и опереться рукой о стену, чтобы удержаться на ногах. Арлан Боранбаев... Пройдет сколько-то дней, и она предстанет перед ним.

От этих мыслей у нее закружилась голова, страх, ненависть и унижение душили ее. В конце концов, она развернулась и пошла в маленькую гостиную, где упала на диван, уставившись пустым взглядом на кусок обоев, где когда-то висела картина.

Ни на секунду Жибек не поверила, что Арлан хочет жениться на ней, и не могла себе представить, что подтолкнуло его принять невысказанное предложение ее дяди. Она была наивной, доверчивой дурочкой в той области, которая его интересовала.

Теперь, запрокинув голову и прикрыв глаза, Жибек с трудом верила, что могла быть когда-то такой безрассудной – или беспечной, – какой она была на тех выходных, где повстречала его. Она была так уверена в том, что ее будущее ясно, но тогда у нее и не было причин думать иначе.

Ей было всего семнадцать лет, когда погибли ее отец и мачеха. Это было ужасное время, но потом приехал Марат, чтобы утешить и подбодрить ее, и пообещал, что вскоре все снова будет хорошо. Марат был на восемь лет старше Жибек, она любила его больше всех на свете, и полагалась на него всегда и во всем.

Родители так часто оставляли ее одну, что она воспринимала их как приятных гостей, которые три-четыре раза в году прилетали домой, чтобы надарить ей подарков и снова упорхнуть, весело помахав рукой на прощание.

За исключением недостаточного присутствия родителей, детство Жибек было безоблачным. У нее был легкий, солнечный характер и все работники в доме любили ее до безумия. Повариха готовила ей лакомства, водитель обучил игре в шахматы, Айман апа, няня, научила вышивать, а когда она выросла – читала ей лекции, что не всем особам мужского пола следует доверять, чтобы в случае, если ее попытаются обидеть она могла защитить себя.

Но из всех «друзей» в большом доме, больше всего времени она проводила с садовником, который появился у них, когда ей было одиннадцать лет. Тихий, душевный человек с ласковым взглядом, Куаныш ага занимался оранжереей и клумбами, нежно разговаривая со своими растениями и черенками.

– Растения нужно любить, – объяснил он, когда однажды она застала его беседующим с поникшей розой и страшно этому удивилась, – им это нужно так же, как людям. Попробуй, – предложил он, кивнув в сторону роз, – скажи этой хорошенькой розе парочку добрых слов.

Жибек чувствовала себя довольно глупо, однако последовала его совету, зная, что как садовнику Куаныш ага нет равных, – после его появления их сад неузнаваемо изменился. Поэтому она склонилась над розой и серьезно сказала:

– Надеюсь, что скоро ты совершенно поправишься и к тебе вернется прежняя красота!..

Затем она отступила назад и стала ждать, когда пожелтевшие, увядшие листья начнут подниматься к солнцу.

– Я дал ей немного лекарства, которое готовлю сам, – сказал Куаныш ага, заботливо переставляя горшок с цветком на лавку, где находились пациенты, требующие особого ухода. – Приходи через несколько дней, и ты увидишь, как старательно она будет показывать тебе, что поправляется.

Позже Жибек узнала, что Куаныш ага ко всем цветам обращается только в женском роде, а ко всем другим растениям – в мужском.

На следующий день Жибек снова отправилась в оранжерею, но роза была такой же поникшей, как вчера. Пять дней спустя она совершенно забыла о ней и зашла в оранжерею просто для того, чтобы угостить Куаныш ага пирожными.

– Твоя маленькая подружка уже заждалась тебя, – сказал он ей.

Жибек подошла к столу с большими растениями и отыскала там розу. Ее нежные цветы крепко стояли на маленьких хрупких стебельках, зеленые листики тоже во спряли духом, расправились и оживились.

– Куаныш ага! – радостно воскликнула она. – Как вам удалось сделать это?

– Твоя доброта и отчасти мои лекарства, вот что вернуло ее к жизни, – сказал он и, то ли оттого, что в глазах Жибек он прочитал искренний интерес, а может быть просто потому, что хотел отвлечь

девочку от тоски, повел ее по оранжерее, называя растения и рассказывая, какие из них он собирается скрестить, чтобы получить новые сорта. Под конец он спросил, не хочется ли ей завести свой собственный садик, и, когда Жибек согласно кивнула, они стали решать, какие цветы ей надо будет посадить, и выбрали рассаду.

Этот день положил начало любви Жибек ко всему, что растет из земли. Работая бок о бок с Куаныш ага, в фартуке, чтобы не запачкать платье, она узнала от него все о его «лекарствах» и мульчировании, научилась сама прививать растения.

А когда Куаныш ага научил ее всему, что знал, Жибек смогла кое-чему научить и его, так как имела перед ним явное преимущество – она могла пользоваться библиотекой, которая была гордостью ее отца. Они сидели рядышком на садовой скамейке до тех пор, пока не стало настолько темно, что было невозможно различить строк, и Жибек читала ему о старых и современных методах выращивания сильных и стойких растений. Через пять лет «маленький садик» Жибек включал в себя почти все главные клумбы. Где бы она ни появлялась со своей лопаткой, цветы, казалось, начинали тут же буйно цвести вокруг нее. «Они знают, что ты любишь их, – сказал ей однажды Куаныш ага, когда она присела у яркой, веселой клумбы с астрами, и на лице его засветилась столь редкая для него улыбка, – они знают об этом и показывают, что тоже любят тебя, стараясь цвести как можно лучше».

Когда здоровье Куаныш ага пошатнулось и ему пришлось переехать в места с более теплым климатом, Жибек очень скучала по нему и уделяла своему саду еще больше времени, чем раньше. Теперь она смогла дать полную волю своей фантазии, выдумывая различные преобразования в садовом хозяйстве и приводя их в исполнение. Она привлекла к работе всех домочадцев, чтобы они разбили новые клумбы, которые тянулись теперь вдоль всей веранды с задней стороны дома.

Помимо занятий с цветами и приятной компании обслуживающего персонала, Жибек получала огромную радость от дружбы с Анар. Анар была ее ближайшей соседкой подходящего возраста, и, хотя она была немного старше, обе получали одинаковое удовольствие, когда лежали ночью в кровати и, взрываясь нервным смехом, рассказывали леденящие кровь истории о привидениях, или когда сидели в большом шалаше Жибек и поверяли друг другу свои девичьи тайны и заветные мечты.

Даже когда Анар вышла замуж и уехала, Жибек никогда не считала себя одинокой, потому что у нее осталось то, что она больше всего любила, и с чем были связаны все ее планы, у нее оставался дом и любимый сад.

Естественно, что выросшая в таких условиях Жибек сильно отличалась от девушек равного ей положения. Исключительно начитанная, думающая, а также не лишенная практичности, которая с каждым днем проявлялась все больше и больше. Всю свою жизнь, окруженная верными людьми, она наивно полагала, что и за пределами ее дома живут такие же хорошие и надежные люди.

Поэтому неудивительно, что в тот знаменательный день, когда из Алматы неожиданно явился Марат, вытащил ее из розария, где она подрезала кусты, и, широко улыбаясь, сообщил ей, что через пару месяцев ей исполнится восемнадцать лет.

– Скоро все у тебя будет, – возбужденно говорил Марат. – Бабушка согласилась устроить тебе хороший шопинг. Все это обойдется чертовски дорого, но я думаю, судя по всему, у нее есть какие-то сбережения.

Жибек удивленно взглянула на него.

– Зачем мне нужно покупать столько одежды? Ты никогда раньше не позволял бабушке оплачивать наши счета. Надеюсь, у нас нет финансовых затруднений, Марат?

– Сейчас уже нет, – солгал он. – Прямо у нас под носом – целое состояние, только раньше я этого не понимал.

– Где? – спросила Жибек, совсем растерявшись от всего услышанного.

Засмеявшись, он повернул сестру к зеркалу, взял ее лицо в ладони и заставил посмотреть на себя.

Бросив на него недоуменный взгляд, она посмотрела в зеркало, потом рассмеялась.

– Почему бы тебе просто не сказать, что у меня грязь на щеке? – сказала она, стирая темную полоску.

– Жибек, – рассмеялся он в ответ, – это все, что ты видишь в зеркале – грязь на щеке?

– Я вижу свое лицо, – ответила она.

– Ну, и как оно тебе?

– Лицо как лицо. – Жибек начало утомлять этот бессмысленный разговор. – Жибек, наше богатство – это твое лицо! – воскликнул Марат. – Я даже не думал об этом до вчерашнего дня, пока Мухтаров Берик не сказал мне, что его сестра сделала отличную партию, получив предложение от самого молодого Казахстанского олигарха Жасулана Макатаева, владельца сети ресторанов «Казбургер».

Жибек по-прежнему не понимала.

– О чем ты говоришь?

– Я говорю о твоём замужестве, – объяснил он со счастливой улыбкой. – Ты вдвое красивее сестры Берика. С этим лицом, да еще с домом в придачу ты можешь выйти замуж так, что о твоём браке заговорит весь Казахстан. Замужество принесет тебе драгоценности, платья, прекрасные дома, а мне связи, которые стоят еще больше, чем деньги. И кроме того, если у меня будут время от времени возникать проблемы с деньгами, надеюсь, ты не откажешься подкинуть мне несколько тенгушек из тех денег, что будут давать тебе на сережки.

– Так значит, у нас все-таки есть проблемы с деньгами, да? – настойчиво спросила Жибек, слишком озабоченная этой новостью, чтобы думать о “хорошей партии”. Марат не выдержал ее взгляда, отвел глаза и с усталым вздохом подвел сестру к дивану.

– Небольшие проблемы есть, – признался он, когда она села. Жибек едва исполнилось восемнадцать, но она уже научилась распознавать, когда Марат обманывал ее, и по выражению ее лица он понял, что скрывать правду нет смысла. – Откровенно говоря, – признался он, – дела наши очень плохи. Совсем плохи.

– Как это могло случиться? – несмотря на страх, от которого у нее внутри что-то задрожало, Жибек говорила почти спокойно.

На его красивом лице выступила краска смущения.

– Во-первых, наш отец оставил безумные долги. Я тоже пристрастился к игре и накопил немало долгов. Некоторое время мне удавалось успокаивать кредиторов обещаниями, но в последнее время они уже ничего не хотят слушать. И это еще не все. Содержание дома, обслуживающий персонал, водитель, твое обучение в университете, все это обходится в чертовски круглую сумму, Жибек. Доход уже давно не покрывает расходов, да этого и не было никогда. В общем, мы с тобой по уши в долгах, и вся наша собственность заложена-перезаложена. Сейчас нам нужно заложить всю обстановку в доме, чтобы расплатиться с некоторыми долгами, иначе мы не сможем показаться на людях. И это еще не самое худшее. Дом принадлежит бабушке, я ее уговорил взять кредит под залог имущества, и если ты не сумеешь удачно выйти замуж, и мы попросим хороший выкуп, он очень скоро пойдет с молотка.

Голос ее лишь слегка дрожал, но внутри у нее все сжалось в один комок растерянности и страха.

– Ты только что сказал, что мой шопинг будет стоить целое состояния, а у нас его, судя по всему нет, – практично заметила она.

– Кредиторы отступятся от нас в ту же секунду, как узнают, что ты обручилась с человеком

влиятельным и располагающим средствами, а я обещаю тебе, что мы без труда найдем такого человека.

Жибек сказала, что от этого плана веет холодным расчетом, на что Марат только покачал головой. На этот раз проявил практичность он.

– Ты девушка, дорогая моя, и значит, должна выйти замуж, ты же знаешь, все девушки выходят замуж. К тому же я не говорю, что мы примем предложение первого встречного. Я выберу человека, которого ты сможешь со временем полюбить, и потом, – пообещал Марат уже совершенно искренне, – я буду торговаться, чтобы помолвка продлилась как можно дольше, принимая в расчет твою молодость. Для нас это единственный выход, – предупредил он готовое слететь с ее губ возражение.

Жибек знала, что даже если бы она была под надежной защитой, его рассуждения о неизбежном замужестве разумны. Ее родители, когда еще были живы, совершенно ясно дали ей понять, что ее долг – вступить в брак в соответствии с пожеланиями семьи. В настоящий момент выбор должен был сделать ее брат, и Жибек безоговорочно положила на него.

– Ну-ка, сознавайся, – весело поддразнил ее Марат, – разве ты никогда не мечтала носить красивые платья и быть окруженной красивыми кавалерами?

– Ну, может быть, несколько раз, – призналась Жибек со смущенной улыбкой, отвернув лицо в сторону. Конечно, она сильно преуменьшила количество раз, когда мечтала об этом. Она была нормальной, здоровой девушкой с нерастраченным запасом любви и прочитала свою порцию любовных романов. Поэтому последняя фраза Марата прозвучала для нее весьма заманчиво.

– Очень хорошо, – решительно сказала она и усмехнулась, – давай попробуем этот шанс.

– Мы не просто попробуем его, Жибек, мы его используем на все сто, или ты потеряешь все и станешь няней с проживанием для чужих детей, вместо того, чтобы быть женой олигарха, продолжить обучение в Университете, ну а затем заниматься своими собственными делами. А я окажусь в долговой яме.

Мысленно представив Марата сидящим в сыром подвале и себя без родного дома, Жибек подумала, что пойдет на что угодно, только бы избежать этого.

– Положись во всем на меня, – сказал он, и Жибек так и сделала.

Все последующие месяца Марат все время был поблизости, чтобы устранить любое препятствие, которое могло бы помешать Жибек знакомиться с богатыми претендентами. Он нанял некую Боту, стилиста, как они себя называют, чтобы она обучила Жибек различным женским тонкостям, макияжу, стилю, о которых никогда не ведали ее мачеха и няня. От Боты она узнала, что, просто обязана завести страницу в Инстаграм, с красивыми фотографиями, демонстрирующие всю ее природную красоту, натуральность и породистость. За каких-то пару дней ее популярность в социальных сетях выросла до неприличия. Под руководством стилиста из Милана было заказано очень много модной одежды.

– Вы любите книги? – осведомилась как то Бота, с удивлением прочитав заглавие на обложке.

– Да, – улыбнулась Жибек. – А вы?

– Вы читаете зарубежных авторов?

– Да, но мне больше всех нравится Абай.

С тех пор у них вошло в привычку иногда встречаться за чашкой кофе и обсуждать прочитанные книги. И вскоре Жибек поняла, что завоевала невольное уважение. Она не могла быть уверена в ее характере, так как единственной эмоцией, которую она проявила за время их знакомства, был гнев, да и то лишь однажды, по отношению к жуликоватому байеру. Это было зрелище из тех, что не забываются. Размахивая зонтиком, с которым никогда не расставалась, Бота наступала на злополучного торговца, а он пятился от нее, кружа по всему магазину, в то время как с ее губ ледяным потоком срывались слова, свидетельствующие о такой бешеной ярости, с какой Жибек еще не приходилось сталкиваться.

– Вспыльчивость – мой единственный недостаток, – сухо сообщила ей Бота, и Жибек сочла это своего рода извинением.

Жибек тогда подумала, что Бота, должно быть, загоняет эмоции внутрь себя как в бутылку, и они до поры до времени сидят там, пока она пребывает в неподвижности на стульях и кушетках. Они сидят там годы и годы до тех пор, пока в один прекрасный день не вырываются наружу, подобно извержению вулкана.

К тому времени как брат и сестра Рахимбаевы, вместе с Ботой, приготовились действовать по намеченному плану, Жибек уже знала все, чему могла научить ее Бота, и чувствовала себя в силах справиться с любой ситуацией из тех, что она ей описывала. Надо сказать, что запомнить правила заигрывания с противоположным полом ей было гораздо легче, чем понять, почему этому придают такое большое значение. В конце концов, вести беседу она умеет с трехлетнего возраста, а насколько она могла понять, главное, уметь вести приятную беседу ни о чем, томно улыбаться и ни при каких обстоятельствах не выдавать своих способностей к мышлению.

На следующий день после того, как они вселились в шикарный пентхаус, который снял Марат, их, навестила Маржан тате, вызвавшаяся познакомиться Жибек с казахстанской элитой. С нею были ее дочери Кымбат и Назира. Кымбат была на год старше Жибек, ее сестра была старше на пять лет. Назира была вдовой Аскара Малгаздарова, гуру нефтяного бизнеса, который умер через месяц после свадьбы, оставив новобрачную богатой, свободной и совершенно независимой.

С тех пор Жибек довольно много общалась с богатенькими молодыми девушками, которые собирались в гостиной у Назиры, чтобы вволю посплетничать о всех и вся. Они приехали в столицу из заграничных учебных заведений с одной и той же целью, которая являлась также и почетной обязанностью: выйти замуж в соответствии с пожеланиями семьи за человека как можно более богатого и влиятельного, дабы увеличить состояние и упрочить положение своих родных.

В этой гостининой светское образование Жибек продолжилось и завершилось. К своему ужасу она обнаружила, что Бота была права, когда говорила, что в обществе принято хвалиться своими связями и упоминать громкие имена. Она также узнала, что в светских тусовках, где собирались представительницы золотой молодежи, не считается дурным тоном обсуждать чье-либо финансовое положение, особенно если речь идет о перспективах неженатого мужчины. В самый первый день единственное, что она смогла сделать, чтобы не выдать своего невежества, это мысленно ахнуть и молча слушать сыпавшиеся со всех сторон замечания: «Керимбеков Гани – отличная добыча. Еще бы, всем известно о его больших доходах, и он это умело демонстрирует! К тому же он наверняка унаследует от своего бездетного дяди состояние, когда тот умрет, он слишком стар, так что есть все основания надеяться на это», – провозгласила одна из девушек, и остальные подхватили: «У Айдара такой коттедж!... Моя мама сидит как на иголках, ожидая, когда же он, наконец позовет меня замуж... Подумать только, они же угольные магнаты!.. Шахманов разъезжает на новеньком “Maserati”, но папа говорит, чтобы я и не думала о нем – это все в кредит... Вот погоди, Жибек, скоро ты увидишь Мади! Ни в коем случае не позволяй ему увлечь себя – он страшный “понторез”, и, хотя разодет в пух и прах, у него нет ни тенге за душой!» Последний совет исходил от Кымбат, которую Жибек считала здесь своей самой близкой подругой.

Жибек с радостью принимала их дружеское расположение и делала вид, что внимает их советам. Однако она ощущала все возрастающее чувство неловкости, когда видела их отношение к людям, которых они считали ниже себя. Она привыкла общаться на равных со всеми, и потому ей было нелегко притворяться, что она придает значение положению. Она обожала своих новых подруг, с которыми, когда они не сплетничали, можно было весело провести время.

Однако, когда Назира пригласила ее на мероприятие, уверенность в себе и радостное предвкушение удовольствий внезапно покинули Жибек. Поднимаясь по парадной лестнице под руку с Маратом, девушка неожиданно почувствовала страх, какого еще не испытывала ни разу в жизни. В голове ее вихрем закружились все «можно» и «нельзя», которые она не особенно старалась запомнить, и у нее появилось убийственное предчувствие, что она прославится в свете тем, что сделает, что-то совершенно простое, чем ужасно удивит элиту. Но когда Жибек вступила в зал, вид, представший перед ее глазами, заставил забыть все страхи, и глаза ее засияли от восторга. В канделябрах горели сотни тысяч свечей, мимо нее проходили красивые мужчины и прелестные женщины в красивой одежде от именитых дизайнеров.

Не обращая внимания на молодого человека, который дважды оглянулся, чтобы по лучше разглядеть ее, Жибек подняла глаза на улыбающегося брата.

–Марат, – прошептала она, ее карие глаза сверкали, – мог ли ты представить себе, что на свете бывают такие красивые люди и такие огромные комнаты?

Затянутая в тончайшее, с легким налетом блеска, телесного цвета платье, с волосами, спадающими на тонкую талию, словно дорогой шелк, со сверкающими глазами миндалевидной формы, Жибек была похожа на сказочную принцессу.

Она была очарована, и в этом выражении ее лица действительно было что-то неземное, когда она, наконец, пришла в себя, смогла улыбнуться и поздороваться с Назирой и остальными девушками.

К концу вечера Жибек и в самом деле чувствовала себя, как в сказке. Мужчины обступили ее со всех сторон, вымаливая танец или хотя бы право провести ее до дома. Она улыбалась и танцевала, не прибегая к обычным женским уловкам и кокетству, которыми напропащую пользовались другие девушки. Вместо этого она с живым интересом внимала тому, что ей рассказывали, и благодарно улыбалась, принимая различные знаки внимания. Ее заразило всеобщее веселье, чудесная музыка снова и снова влекла ее танцевать, она купалась в мужском внимании, и все эти чувства отражались в ее сияющих глазах и улыбке, не сходящей с ее лица.

Жибек и в самом деле была сказочной принцессой на своем первом балу – обворожительная, очаровательная, она кружилась в мерцающем свете свечей, окруженная прекрасными принцами, позабыв о времени и о том, что всему когда-нибудь наступает конец. Своей ангельской красотой, шелковыми волосами и глазами, сверкающими, как алмазы, Жибек штурмом покорила столицу. Это был не просто успех. Это была повальная страсть.

На следующее утро к ее дому потянулся бесконечный ручеек доставщиков – цветы, сладости, разнообразные букеты, пресловутые 101 розы. Фотографий с ее изображением облетели весь Казнет, до того очаровала казахстанцев ее внешность, породистость, харизма в купе с незапятнанной репутацией. Со всех социальных сетей сыпались самые разнообразные предложения – главные роли в фильмах, отсутствие опыта не имело для них никакого значения, предложения участия в рекламных кампаниях, фотосессии. Жибек одержала свои самые грандиозные победы, потому что при более близком знакомстве мужчины обнаруживали, что на нее не только приятно смотреть, но с ней также легко и приятно общаться. За три недели четырнадцать человек сделали ей предложение, весь Казахстан обсуждал каждый ее наряд, цвет глаз, рост и другие параметры. Даже мисс Казахстан Алима Батырова, дважды коронованная красавица, превращалась возле Жибек в серую мышь.

Двенадцать воздыхателей Жибек были молоды, совершенно покорены ее красотой и подходили по всем статьям, двое были значительно старше, однако так же высоко ценили ее красоту. Марат, страшно гордый успехом сестры и столь же бестактный, хвастался ее победами и безжалостно отказывал претендентам как неподходящим и недостойным. Верный своему обещанию найти Жибек идеального мужа, с которым она будет счастлива, он выжидал.

Пятнадцатый кандидат в мужья отвечал всем его требованиям. Баснословно богатый, красивый и представительный, двадцатипятилетний Даурен Курметов, бесспорно, был самой крупной добычей. Марат знал об этом и, как он сказал в тот вечер Жибек, так разволновался от его предложения, что чуть не забылся и не перемахнул через стол, чтобы поздравить самого богатого наследника с предстоящей свадьбой.....

Жибек была очень рада тем, что Марат выбрал именно того молодого парня, которым она особенно восхищалась.

– Он такой хороший. Я... я не была уверена, что нравлюсь ему настолько, чтобы он сделал мне предложение. Марат запечатлел любящий поцелуй у нее на лбу.

– Принцесса, – поддразнил он, – любой, кто посмотрит на тебя, теряет разум. Это был всего лишь вопрос времени.

Жибек слабо улыбнулась и пожала плечами. Она уже порядком устала от того, что все говорят только о ее внешности, как будто, кроме этого, у нее ничего и нет. Более того, она очень быстро пресытилась светскими тусовками и напускным весельем, так восхищавшими ее поначалу. Самое сильное чувство, которое возникло у нее при объявлении о помолвке, было облегчение оттого, что вопрос о замужестве, наконец решен.

– Курметов собирался зайти к тебе сегодня к вечеру, – сказал Марат, – но я не собираюсь давать ему ответ раньше, чем через неделю-другую. Ожидание только укрепит его намерения, и, кроме того, я считаю, ты заслуживаешь еще несколько дней свободы перед тем, как стать невестой.

Невестой. При этом слове Жибек почувствовала странную слабость во всем теле и отчетливо неприятное чувство, прекрасно понимая, что это ужасно глупо с ее стороны.

– Признаюсь, мне было страшно рассказывать ему о нашем финансовом состоянии, но, похоже, ему все равно.

Во всяком случае, он так сказал. Сказал, что единственное, что ему нужно, – это ты. И еще заявил, что собирается осыпать тебя бриллиантами размером с твою ладонь.

– Это... замечательно, – неуверенно произнесла Жибек, изо всех сил стараясь почувствовать что-нибудь большее, чем облегчение и необъяснимый приступ тоски.

– Это ты замечательная, – засмеялся Марат, потрепав ее по волосам. – Ты вытащила меня из болотных зарослей.

В три часа дня явился и сам Даурен Курметов. Жибек встретила с ним в гостиной. Он вошел, оглядел комнату и, взяв ее за руки, заглянул в глаза и тепло улыбнулся.

– Ответ будет «да»? – в его тоне звучало скорее утверждение, а не вопрос.

– Ты уже говорил с моим братом? – удивилась Жибек.

– Нет еще.

– В таком случае, откуда ты можешь знать, что он ответит «да»? – озадаченно улыбнулась Жибек.

– Потому что в первый раз за весь месяц рядом с тобой нет Марата с его орлиным взглядом! Всем известен его дурной нрав, если дело касается сестры. – Он быстро поцеловал ее в лоб и, застигнутая врасплох, она покраснела. – Понимаешь ли ты сама, как красива? – спросил он.

Жибек имела об этом смутное представление, но ей уже порядком надоело, что все говорят ей об этом. Тем не менее, она сделала над собой усилие и подавила опасный порыв ответить ему: «А вы понимаете, что я еще и неглупа?» Не то чтобы Жибек считала себя такой уж интеллектуалкой, но она любила читать и обсуждать прочитанное, и присущее ей жажда независимости.

Ее тревожило, понравится ли Даурен это в ней. До сих пор он ни разу не высказал своего мнения, о чем бы то ни было, кроме самых тривиальных вещей, и ни разу не поинтересовался ее мнением.

– Ты очаровательна, – прошептал Даурен, и Жибек очень серьезно задумалась, почему он так думает. Ведь он не знает, как она любит рыбачить, или смеяться, или что она стреляет из пистолета, как снайпер. Он не знал, что однажды она выиграла конкурс, кто быстрее выпьет литр кумыса, которые они устроили на ферме, и не знал, что цветы в их саду цветут для нее по-особенному. Он так мало знал о ней, а она знала о нем еще меньше.

Жибек жалела, что не может спросить совета у Боты, та заболела и лежала у себя дома с высокой температурой и больным горлом, и девушка не видела ее с позавчерашнего дня.

Она все еще была немного обеспокоена этими мыслями, когда вечером следующего дня собиралась к отъезду на выходные, где встреча с Арланом Боранбаевым перевернула всю ее жизнь. Ее пригласили в загородный дом, принадлежавший Аиде Балтабаевой, двоюродной сестре Кымбат. К тому времени, как Жибек приехала туда, по всей территории уже разгуливали гости, они флиртовали, смеялись и пили шампанское, которое вышколенные официанты разносили по саду. По казахским меркам здешнее собрание было небольшим – не больше семидесяти человек, из которых только пятнадцать, включая Жибек и трех ее подруг, должны были остаться на все выходные. Не будь Жибек так неопытна и наивна, она сразу бы поняла, что это сборище носит весьма фривольный характер, она заметила бы, что здесь собрались люди значительно старше и опытнее ее и вели себя гораздо свободнее, чем это предписывалось традиционным вечеринкам. Она поняла бы это и сразу уехала.

Сейчас, сидя в гостиной и вспоминая свою гибельную глупость на тех самых выходных, она сама дивилась собственной доверчивости и простоте.

Откинув голову на спинку дивана, Жибек закрыла глаза и, вспомнив о своем унижении, сглотнула подступивший к горлу комок. Ну почему, отчаянно спрашивала она себя, почему счастливые воспоминания стираются и бледнеют так, что ты едва можешь их вспомнить, в то время как, ужасные события возникают в памяти с такой ослепительной ясностью и четкостью, что становится больно глазам? Даже сейчас она могла во всех подробностях восстановить ту ночь – она видела ее, чувствовала ее запахи, слышала звуки.

Глава 3

Жибек вышла в сад посмотреть цветники. Цветы во внешнем саду буйно цвели. Розы. Повсюду разливался их опьяняющий аромат. Диджей настраивал музыкальную аппаратуру, и скоро вступительные звуки чарующей музыки поплыли по саду, наполняя его. Спускались сумерки, кто-то вышел на расположенные террасами дорожки сада, чтобы зажечь фонари. Конечно, не все дорожки будут освещены – те, что находятся дальше, за террасами, оставят в интимной темноте для тех парочек, которые позже захотят уединиться в зеленых лабиринтах оранжереи. Но это Жибек поняла только потом.

Она нашла подруг только через полчаса, они собрались в самом дальнем конце сада, чтобы вволю посмеяться и посплетничать. Она не сразу заметила их: они были частично скрыты высокой, аккуратно подстриженной живой изгородью. Приблизившись к девушкам, Жибек поняла, что они не просто стоят за изгородью, а за кем-то подглядывают, за кем-то, кто вызывал у них бурю волнения и разговоров. "Вот, – сказала Кымбат, снова взглядевшись в просвет между кустами, – это то, что моя сестра называет «настоящей мужской красотой». На несколько мгновений воцарилось короткое благоговейное молчание, во время которого все три девушки изучали этот эталон мужского совершенства, который заслужил столь высокую похвалу сестры Кымбат. Они знали, что мнению Назиры в этом вопросе можно доверять. В этот момент Жибек заметила травяное пятно на своей туфельке и, с ужасом, представив, сколько будет стоить новая пара таких туфелек, прикидывала, можно ли будет заказать только одну туфлю.

«Я все еще не могу поверить, что это действительно он! – прошептала Кымбат. – Аида говорила, что он тоже приглашен, еще бы! Но я не надеялась увидеть его здесь. Все просто умрут, если мы выложим совместное с ним фото! – добавила она. Заметив Жибек, Кымбат махнула рукой, чтобы она присоединилась к ним. – Взгляни, Жибек, ну разве он не божествен? В нем есть что-то такое ... загадочное!»

Вместо того чтобы подглядывать, Жибек оглядела сад поверх изгороди, отмечая вычурно разодетых гостей, которые, смеясь и болтая, мало-помалу перемещались к дому. Взгляд безучастно скользнул по мужчинам в модных белых брюках, ярких пиджаках и с рубашками разных цветов и фасонов. Они показались ей похожими на пестрых павлинов и попугаев.

– А кого я должна увидеть?

– Арлана, глупая! Нет, подожди, сейчас ты его уже не увидишь. Он вышел из-под света.

– А кто он – этот Арлан?

– Арлан – это Арлан, и кто он такой, никто в точности не знает! – сказала Кымбат и затем добавила тоном, каким сообщают особенно секретные сплетни: – Некоторые говорят, что он внук Президента Корпорации “GoldGlobal” – Акыл Боранбаева!

Как и все девушки ее круга, Жибек должна была знать все известные фамилии Казахстана, перед которыми в стране благоговели так же сильно, как сторонники индуизма перед белой коровой.

– Акыл Боранбаев уже немолод, – вспомнила Жибек после некоторого размышления, – а его единственный сын перестал с ним поддерживать любые отношения.

– Да, это всем известно. Но говорят, что Арлан Боранбаев... – голос Кымбат упал почти до шепота, – его незаконнорожденный внук.

– Понимаешь, – авторитетно заверила ее Перизат, – ходили слухи, что у Боранбаева, владельца “GoldGlobal”, сын – гомосексуалист, и он отрекся от него много лет назад. Мне рассказывала мама, она говорит, что тогда был страшный скандал.

При слове «скандал» все головы сблизилась, и она продолжила:

– Сын Боранбаева в молодом возрасте встречался с бедной девушкой из аула, не далеко от города Шымкент. Это была совершенно ужасная особа, ровным счетом ничего из себя не представлявшая. Арлан вырос в одной из сел Южно – Казахстанской области, самый что ни есть простой парнишка из периферии, каким-то образом разбогател. Так что это, должно быть, его внук.

– Все так думают только потому, что у него такая же фамилия, – высказалась Жания с типичным для нее скептицизмом, – в то время как это достаточно распространенная фамилия.

– Я слышала, он так богат, – встала Кымбат, – что он покупает каждой своей любовнице эксклюзивные пентхаузы, на одном из посиделок в каком-то ресторане, допивая бокал красного вина, он оставил симпатичной официантке чаевые в размере пяти миллионов тенге! Не знаю, встречались ли они после, но скорее да, чем нет...

– О, ради Бога, – с презрением сказала Жания, – он сделал это не потому, что богат, а потому, что неисправимый бабник и “понторез”! Мой брат знает его, и он говорит, что Боранбаев – самая заурядная личность, человек, у которого нет ни авторитета, ни воспитания, ни связей, и вряд ли он богаче моих или ваших родителей!

– Я тоже слышала это, – признала Кымбат, снова взгляды в просвет между кустами. – Смотри! – вскрикнула она. – Сейчас его видно. Асем Есентаева прямо-таки кидается на него!

Девушки так сильно наклонились вперед, что чуть не свалились в кустарник.

– Я чувствую, что просто растаю, если он посмотрит на меня.

– Этого не может быть, – с деланной улыбкой сказала Жибек, понимая, что ей тоже пора принять какое-то участие в беседе.

– Ах, ты же не видела его!

Жибек и не нужно было его видеть, она прекрасно знала, какого сорта мужчины нравятся ее подругам: типичные “папенькины сынки”, светленькие розовощекие мальчишки, в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет.

– Думаю, у Жибек предостаточно безошибочно богатых поклонников, чтобы она обратила внимание на скрытного Арлана, как бы он ни был красив и загадочен, – сказала Кымбат, видя, что Жибек продолжает держаться в сторонке и поддерживает разговор лишь из вежливости.

Жибек показалось, что комплимент содержал изрядную долю зависти и злости, однако подозрение было настолько неприятным, что она быстро отвергла его. Она не сделала ничего плохого ни Кымбат, ни другим девушкам, чтобы заслужить их враждебность. Ни разу с тех пор, как она вошла в их компанию, она не произнесла ни одного недоброго слова в чей-либо адрес, фактически она вообще никогда не принимала участия в обсуждении других людей и уж тем более не пересказывала услышанное.

Даже сейчас ей было ужасно неловко оттого, что они следят за этим мужчиной и обсуждают его в таком тоне. Жибек всегда казалось, что любой человек имеет право на уважение, независимо от положения, которое он занимает. Конечно, такого мнения придерживалось меньшинство, и в глазах казахстанской элиты оно граничило с ересью, и потому она держала свои взгляды при себе.

В данный момент девушка почувствовала, что ей следует проявить лояльность по отношению к подругам: им может показаться, что Жибек задается, если она не присоединится к их забаве и откажется разделить их восторг перед Арланом Боранбаевым. Попытавшись настроиться на их лад, она улыбнулась Кымбат и сказала:

– У меня не так уж много поклонников, и я уверена, что, увидев его, буду заинтригована так же, как и любая другая девушка.

По какой-то непонятной причине после этих слов Жибек, Кымбат и Перизат обменялись мимолетными взглядами, в которых проскользнуло удовлетворение. Заметив недоумение Жибек, Кымбат объяснила:

– Слава Богу, что ты согласна, Жибек, потому что мы все трое находимся в затруднительном положении. Мы очень рассчитываем, что ты поможешь нам выпутаться из него.

– А какого рода это затруднение?

– Если б ты знала, – начала Кымбат как-то уж очень театрально, но Жибек отнесла это на счет чересчур крепкого вина, которое лилось здесь рекой, – как долго мне пришлось упрашивать Аиду, чтобы она разрешила нам приехать сюда!

Это Жибек было уже известно, и она молча кивнула.

– Дело в том, что, когда Аида сказала нам сегодня, что здесь должен появиться Арлан Боранбаев, мы все просто запрыгали от радости. Но она сказала, что он не обратит на нас ни малейшего внимания, потому что мы слишком молоды и совсем не в его вкусе...

– Возможно, она права, – сказала Жибек, улыбаясь и не выказывая ни малейшего интереса.

– О, но он должен обратить на нас внимание! – призвав взглядом остальных девушек поддержать ее, воскликнула Кымбат. – Обязательно должен, потому мы поспорили с Аидой на сумму, которую выдают нам родители раз в три месяца, что он пригласит кого-нибудь из нас танцевать либо предложит выпить бокал вина на террасе. А он, скорее всего не сделает этого, если нам не удастся возбудить его интерес до того, как закончится мероприятие.

– Вы поспорили на все свои деньги? – ужаснулась Жибек столь экстравагантной забаве. – Но ведь ты собиралась купить на них ювелирное украшение, забыла название бренда...

– А я хотела купить ту чудесную сумочку от “Hermes”, которую отказался купить мне папа, – произнесла Перизат, снова взглядываясь в просвет между кустами.

– Я... я, возможно, могла бы, и отказаться от спора, – сказала Жания,

Жибек показалось, что ее волнует нечто большее, чем деньги, – не думаю, что... – начала она, но Перизат своим возбужденным вскриком не дала ей закончить.

– Он идет в нашу сторону, и с ним никого нет! Более удачной возможности привлечь его внимание у нас не будет. Только бы он не изменил направление.

Неожиданно это безумное пари стало казаться запретной игрой, и Жибек фыркнула.

– В таком случае я предлагаю предоставить Кымбат почетную роль возбудить его интерес, так как это была ее идея, и она больше всех восхищается им.

– Мы назначаем на эту роль тебя, – сказала Кымбат беспечным, но в то же время решительным тоном.

– Меня? Но почему меня?

– Потому что совершенно очевидно, что у тебя больше всего шансов привлечь его внимание. И, кроме того, – добавила она для большей убедительности, – на Даурена Курметова произведет большое впечатление слух о том, что Арыстан Боранбаев – человек-загадка, которого безуспешно преследовала в прошлом году сама Алима Батырова, – пригласил тебя на танец и оказывал тебе особое внимание. Как только Даурен услышит об этом, он тут же отправит своих родителей к твоему брату и дяде Құда түсуге!

Жибек ни разу не позволила себе выказать хоть малейшее предпочтение к Даурену Курметову, и потому была неприятно удивлена открытием, что подружки догадались о ее чувствах.

Конечно, они не могли знать, что молодой красавец уже сделал ей предложение, которое вот-вот будет принято.

– Решайся быстрее, он уже почти здесь! – воскликнула Перизат, перекрывая нервное хихиканье Жании.

– Ну, ну, ты согласна?! – торопила ее Кымбат, в то время как другие девушки начали отступать к дому.

Жибек глотнула вина из бокала, который ей вручили, как только она вышла из дома в сад, и к которому она до сих пор не притронулась. Она колебалась.

– Хорошо, я попробую, – сказала она, наконец, сверкнув улыбкой.

– Отлично. И не забудь: или он танцует с тобой сегодня вечером, или мы потеряем все свои деньги!

Смеясь, она дала Жибек легкий ободряющий тычок в бок, затем умчалась вслед за смеющимися подругами.

Жибек поспешно сошла с террасы на две ступеньки вниз и теперь, скрытая от взгляда изгородью, стояла на траве и оглядывалась, пытаясь решить, оставаться ей здесь или присесть на белую каменную скамейку слева от нее. Она двинулась к скамейке и устроилась на ней как раз в ту минуту, когда на кирпичных ступеньках раздался звук мужских шагов, раз-два – и она увидела его.

Не подозревая о ее присутствии, Арлан сделал вперед еще один шаг, затем остановился у фонаря и достал из кармана сигару.

До этого момента Жибек испытывала легкое беспокойство, думая о той задаче, которую ей предстояло выполнить. Но когда она увидела его, это беспокойство переросло в такое сильное волнение, что дрожь прошла по телу и зазвенело в ушах.

Арлан Боранбаев не имел ничего общего с тем, что она ожидала увидеть. Он был отнюдь не шатен и гораздо старше, чем она представляла, – ему было как минимум двадцать семь лет, и он был поразительно высокого роста. В темноте Жибек смогла разглядеть его только в общих чертах: мощные, широкие плечи, внушающий, сильный силуэт, густые, почти черные волосы. Вместо аляпистой одежды, модной этого сезона, он был с головы до ног одет во все темное, за исключением рубашки, которая была оттенком немного светлее. Жибек подумала, что Арлан схож с большим хищным зверем, точно соответствуя своему имени, волк, оказавший в стае неповоротливых домашних животных. Раскуривая сигару, он наклонил свою темную голову к рукам, сложив благородно – длинные пальцы лодочкой, чтобы ветер не загасил пламя. Светлые манжеты высунулись из рукавов черного пальто, и в оранжевом свете пламени она увидела его руки, с проступающими на тыльной стороне ладоней венами, некий экстракт мужского характера и силы.

Жибек отпустила дыхание, которое невольно затаила, и этот тихий звук заставил его резко вскинуть голову. Глаза его сузились то ли от неудовольствия, то ли от удивления.

Чувствуя неудобство оттого, что прячется в тени и подсматривает за ним, Жибек выпалила первое, что пришло ей в голову:

– Первый раз вижу, как мужчина курит сигару. Э-э... обычно курят простую сигарету... что-то вроде “Marlboro”...

Более идиотской фразы невозможно было придумать, подумала она.

Его темные брови вопросительно приподнялись.

– Вы возражаете? – спросил он, закончив раскуривать сигару.

Жибек поразили две вещи одновременно. Первое – то, что его пронзительные глаза имели совершенно необычный цвет – совершенно черный, как ночь, и второе – его глубокий, низкий, богатый оттенками голос. От этого сочетания она вдруг ощутила странную дрожь где-то в области спины.

– Возражаю? – тупо повторила она.

– Я имею в виду сигару, – сказал он.

– Ааа... нет. Нет, не возражаю, – торопливо заверила она его. У нее сложилось впечатление, что он пришел сюда в надежде спокойно насладиться сигарой, и, если бы она сказала, что возражает против сигары, он скорее повернулся бы и ушел, чем ради ее общества отказался от этого удовольствия. В дальнем конце длинного, узкого газона, на котором они стояли, раз-

дался девичий смех, и Жибек непроизвольно повернулась, выхватив взглядом красное платье Кымбат и платье из золотистых пайеток Жании, прежде чем они скрылись из глаз.

Поведение подруг вызвало краску стыда у нее на щеках, и когда она снова повернулась к нему, то увидела, что он внимательно изучает ее – руки в карманах, сигара в белоснежных зубах. Едва заметным наклоном головы он указал в сторону, куда убежали девушки.

– Подруги?

Ей показалось, что он догадался о том, что их встреча была заранее подстроена, и почувствовала себя ужасно виноватой.

Жибек хотела было придумать какую-нибудь отговорку, но лгать у нее получалось катастрофически плохо, и тем более сейчас, под этим пронзительным, вызывающим странное беспокойство взглядом.

– Да, подруги, – выговорила она, наконец.

Замолчав, чтобы подправить лямки от кружевного платья черного цвета, чарующе оттенявшее ее кожу нежно-сливочного оттенка, она подняла к нему лицо и нерешительно улыбнулась. До нее вдруг дошло, что они не представлены друг другу:

– Меня зовут Жибек. – Объявила она.

Насмешка угадывалась лишь в легком наклоне его головы, когда Арлан просто повторил ее имя:

– Жибек.

У Жибек не оставалось выбора, и она подтолкнула его,

– А как ваше имя?

– Арлан.

– Как у вас дела, Арлан? – спросила она и, как положено, протянула ему руку.

Этот жест неожиданно вызвал у него улыбку – обаятельную белозубую улыбку, которая непроизвольно появилась на его губах, когда он шагнул к ней и сжал ее руку.

– Спасибо, не плохо, – сказал он голосом, в котором и на этот раз звучала едва уловимая насмешка.

Жибек уже начала сожалеть, что согласилась участвовать в этой затее, и лихорадочно подыскивала способ завязать беседу. До сих пор она предоставляла эту привилегию молодым людям, которым вскружила голову ее красота. Ей не было необходимости думать, как завязать беседу, так как все отчаянно стремились вовлечь в разговор ее. Она судорожно начала вспоминать, что в таких местах больше всего обсуждалось – тема общих знакомых, обычно это люди с громкими именами, и с облегчением остановилась на этой теме.

– Девушка в красном – это Кымбат, а в золотистом – Жания.

Он ничем не проявил, что знаком с ними, и Жибек помогла ему:

– Кымбат – дочь Ержана Сейтмаганбетова.

Видя, что он по-прежнему наблюдает за ней с вежливым безразличием, Жибек добавила, начиная приходить в отчаяние:

– Это тот самый Сейтмаганбетов Ержан. Знаете, владелец “Казстройинвест”.

– Неужели? – смилостивился он.

– Да, действительно, – Жибек решила перейти к Жание, почувствовав некоторую опору под ногами, – а Жания – дочь Каната Джапарова, она известный фешн блогер. Джани_101. Это она.

– Неужели? – повторил он, насмешливо глядя на нее, и опять воцарилось опасное молчание.

Ей стало безумно стыдно от неловкой ситуаций и глупого разговора, который, как ей показалось собеседник не собирался поддерживать. Она почувствовала, как повлажнили ее ладони, и потеряла их о колени, но, осознав простонародность этого жеста, отдернула руки от платья и прокашлялась.

– Мы все приехали сюда на выходные, – еле слышно закончила она.

Холодные черные глаза вдруг потеплели, теперь в них появилось сочувствие, и в его низком голосе прозвучало добродушие, когда он сказал:

– Наверное, всю развлекаетесь?

– Да, развлекаемся, – ответила она со вздохом облегчения оттого, что он, наконец, принял некоторое участие в беседе.

– Кымбат очень хорошенькая, хотя вы вряд ли могли заметить это с такого расстояния, – очень красивая, и у нее замечательный характер, какой только можно представить. У нее множество поклонников.

– Воображаю... и все богатые?

Жибек прикусила губу и кивнула, чувствуя высшую степень стыда.

– Боюсь, что так, – горестно признала она и, к своему удивлению, вдруг увидела, что он улыбается – медленная, дразнящая улыбка пробежала по его лицу, изменив его черты настолько, что сердце гулко бухнуло у нее в груди, и она неожиданно вскочила на ноги.

– Жания тоже красивая девушка. – Жибек вернулась к восхвалению подруг, как наиболее, как ей показалось, подходящей теме.

– Наверняка ее фотографии бьют рекорды по количеству лайков?

Жибек наконец сообразила, что он смеется, и его непочтительное отношение к вопросу, который для всех представлял такую большую важность, вызвал у нее непроизвольный смех облегчения.

– По самым достоверным источникам, – ответила она ему в тон, – число ее подписчиков исчисляется рекордными цифрами.

Улыбаясь ему, она увидела, что в его глазах тоже заиграл смех, и вдруг ее нервозность и напряженность куда-то исчезли. У Жибек вдруг возникло необъяснимое ощущение, будто они с ним старые друзья и обмениваются мнениями о каком-то предмете, к которому оба относятся одинаково непочтительно, только он высказывает это открыто, а она пытается завуалировать свое отношение.

– А как насчет вас?

– Что насчет меня?

– Сколько подписчиков у вас?

В ответ Жибек только засмеялась и покачала головой. Рассказывать о достижениях подруг было еще приемлемо, но хвастаться собственными выходило за всякие рамки приличия, и ему, без сомнения, было это известно.

– Вы смеетесь надо мной? – с притворной строгостью упрекнула она его.

– Приношу свои извинения, – он насмешливо поклонился, в уголках его рта по – прежнему играла улыбка.

Сад уже полностью погрузился в темноту. Жибек понимала, что давно пора идти в дом, и все-таки медлила, почему-то ей не хотелось покидать укромную интимность сада.

Сложив руки за спиной, она стала смотреть на звезды, которые только что появились на ночном небосклоне и тускло мерцали.

– Это мое любимое время дня, – тихо сказала она и покосилась на него, чтобы посмотреть, не наскучила ли ему своими разговорами, но он так же, как и она, закинул голову и рассматривал небо, словно находил там что-то интересное.

Жибек отыскивала на небе наиболее яркие объекты.

– Смотрите, – сказала она, кивая на особенно яркую звездочку. – Это Юпитер. Или Венера? Я вечно их путаю.

– Это Венера... Юпитер в такое время сложно разглядеть.

Жибек фыркнула и покачала головой, оторвав взгляд от неба и искоса посмотрев на него.

– На небе есть всего пять планет, которых мы можем увидеть без телескопа, это Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. У каждой из них есть определенный график появлений нам звездном небе. Как вы думаете, там, где-нибудь есть люди?

Он повернул голову и изумленно поглядел на нее.

– А как вы думаете?

– Я полагаю, есть. Мне вообще кажется проявлением высокомерия думать, что среди стольких тысяч звезд и планет, кроме нас, никого больше нет. Это то же самое, что полагать, будто Земля – это центр Вселенной, вокруг которого все вертится. Кстати, люди, кажется, не очень хорошо отблагодарили Галилео Галилея за то, что он опроверг это утверждение, правда? Представляю, каково ему было предстать перед судом инквизиции и отречься от того, что он знал и доказал!

– С каких это пор красивые, молодые девушки стали изучать астрономию? – спросил он, когда она вернулась к скамейке, чтобы взять свой бокал с вином.

– У меня было много-много лет, чтобы читать, – бесхитростно призналась Жибек. Не заметив его внимательного, испытующего взгляда, она взяла свой бокал и снова повернулась к нему.

– Пожалуй, мне пора вернуться в дом.

Он молча кивнул, и Жибек проследовала мимо него. Затем она вдруг переменяла свое решение, вспомнив о подругах, которые рассчитывают на нее.

– У меня к вам несколько странная просьба, я хотела бы попросить вас об одной услуге, – медленно сказала она, взмолившись про себя, чтобы их мимолетное знакомства было для него таким же приятным и располагающим к дружеским отношениям, как для нее. С нерешительной улыбкой заглянув в его непроницаемые глаза, она попыталась изложить свою просьбу:

– Не могли бы вы... по некоторым причинам я не могу объяснить... – невразумительно пробормотала она, вдруг ужасно смутившись.

– О какой услуге вы хотели бы попросить?

Жибек часто задыхалась.

– Не могли бы вы пригласить меня на танец, когда мы зайдем?

Он не выглядел ни шокированным, ни польщенным ее смелым предложением.

Жибек напряженно всматривалась в его лицо, и наконец, его сжатые губы шевельнулись в ответе:

– Нет.

Обиженная и пристыженная его отказом, Жибек опустила голову, но через несколько секунд вдруг осознала, что в его голосе прозвучало искреннее сожаление, и вопросительно посмотрела ему в лицо. Какое-то мгновение она изучала его бесстрастные черты, но внезапно раздавшийся смех где-то совсем рядом разрушил чары. Не видя выхода из неловкого положения, в которое ни за что не поставила бы себя сама, Жибек повернулась, собираясь быстро уйти. Но вытеснив из своего голоса все эмоции, она повернулась и со спокойным достоинством попрощалась:

– До свидания, Арлан. Он вынул сигару изо рта и кивнул.

– До свидания, Жибек. Потом развернулся и ушел.

Жибек прошла в отведенные ей и ее подругам комнаты. Остальные девушки уже были там и переодевались в другие вечерние платья, для пушшего разнообразия фотографии для своих модных инстаграм страниц. С появлением Жибек смех и разговоры внезапно смолкли, отчего у нее возникло ощущение, что говорили и смеялись над ней.

– Ну? – спросила Перизат, хихикнув. – Не томи нас в неизвестности. Ты произвела на него впечатление?

Неприятное подозрение, что она стала предметом чьего-то розыгрыша, немедленно оставило Жибек, как только она взглянула на их улыбающиеся лица. Одна только Кымбат держалась прохладно и отчужденно.

– Впечатление, безусловно, произвела, – ответила Жибек со смущенной улыбкой, – но вряд ли оно было особенно благоприятным.

– Он так долго пробыл с тобой, – подтолкнула ее к более пространному рассказу другая девушка. – Мы наблюдали за вами из дальнего конца сада. О чем вы говорили?

Жибек почувствовала, как кровь быстрее потекла у нее по венам и прилила к щекам, когда она вспомнила красивое загорелое лицо Арлана и улыбку, так странно преобразившую и смягчившую его чеканные черты.

– Честно говоря, я не помню, о чем мы говорили.

В большей степени это было правдой. Единственное, что она могла вспомнить, это то, как дрожали у нее колени и обрывалось сердце при каждом взгляде на него.

– Ну, и какой он?

– Красивый, – она спохватилась, уловив мечтательные нотки в своем голосе. – Обаятельный. И у него красивый голос.

– И, конечно же, – с сарказмом вставила Кымбат, – сейчас он пытается узнать, как можно сблизиться с твоим братом.

Это замечание было таким нелепым, что Жибек непременно рассмеялась бы, не будь она так растеряна и до странности разочарована тем, как равнодушно расстался он с нею в саду.

– На этот раз никто не помешает мне спокойно провести вечер, это я вам обещаю, – сказала Жибек и добавила с сожалеющей улыбкой. – Более того, боюсь, что вы потеряли все свои деньги, потому что нет ни малейшей надежды на то, что он пригласит меня танцевать.

Извиняясь, она пожала плечами и пошла к себе в спальню, но как только вошла к себе в спальню, беззаботная улыбка, которую она демонстрировала подругам, сошла с ее лица, уступив место глубокой задумчивости. Жибек села на кровать и стала бесцельно водить пальцем по белым нитям персикового покрывала, пытаясь разобраться в чувствах, которые испытывала в присутствии этого Арлана.

Стоя рядом с ним в саду, она чувствовала испуг и одновременно какую-то веселую бесшабашность. Он излучал странное магнетическое притяжение, которое привлекало ее к нему независимо от ее воли. Ее вынудили добиваться его расположения, и она стояла там, попеременно радуясь и тревожась, в зависимости от впечатления, которое производили на него ее слова. Даже сейчас воспоминание о том, как он улыбался и смотрел на нее из-под полуопущенных век, вызывало незнакомое ей ощущение интимности, от которой ее бросало то в жар, то в холод.

Звуки музыки заставили Жибек очнуться от потока мыслей. Затем она решила, что ей тоже, скорее всего, придется переодеться.

– Ну как, что ты скажешь? – спросила она Боту полчаса спустя, сделав поворот перед передней камерой своего смартфона. Бота, которая когда-то была ее стилистом, а потом стала еще и подругой, прищурилась, и, подойдя ближе к экрану телефона, критически ее осмотрела. Необычный наряд и прическа были встречены с полным восторгом и одобрением. Волосы Жибек были романтично собраны сзади, вдоль щек спадали две легкие вьющиеся пряди. В ушах сверкали серьги с бриллиантами, доставшиеся ей от матери.

В отличие от других нарядов Жибек, преимущественно пастельных тонов, это платье изумрудного цвета, было гораздо более необычным и выгодно подчеркивало ее фигуру, Складки материй расходились из-под тонкой талий, плечи и зона декольте оставались обнаженными. И хотя фасон платья представлял собой довольно-таки простой пошив, он явно льстил ей, красиво обрисовывая каждый изгиб ее фигуры.

– Я скажу, – ответила Бота, – это просто чудо, что твой брат Марат разрешил тебе купить такое платье. Оно ничуть не похоже на все остальные.

Жибек подправила вырез, и улыбнулась Боте задорной, заговорщической улыбкой.

– Это единственное платье, которое я купила сама, – призналась она. – К счастью, Марат меня в нем пока еще не видел.

– Не сомневаюсь.

Жибек снова повернулась к зеркалу и, нахмурившись, всмотрелась в свое отражение.

– Я уже как несколько месяцев совершеннолетняя. И пыталась объяснить, что это означает брату, – продолжила она, доставая из шкатулки наручные часы, – что я в праве носить любые наряды, что я знаю меру, но... для брата все что на сантиметр выше колен – вульгарно! Точно, я буду как распакованный товар, и замуж меня никто не позовет. В то время как, это дело вкуса, возраста и места. Жибек задумчиво подправила часы, и продолжила с виноватым голосом. – Хотя..., я благодарна ему за все...

Бота закатила глаза и покачала головой, – Тебе не кажется, что ты сама должна решать, что тебе делать, с кем встречаться, за кого выходить замуж? – Забудь... это все же не мое дело... – произнесла она после затянувшейся паузы и прокашлявшись наклонилась, чтобы допить стакан с водой.

Напоминание Боты о том, что она уже фактически помолвлена, произвело на Жибек отрезвляющее действие, и к тому времени как она вошла в зал, сердце ее билось совершенно ровно. Мысль о возможной встрече с Арланом больше не убистряла ее пульс, и она отбросила всякие сожаления о том, что он отказался пригласить ее на танец. Больше она и думать о нем не хотела. Со свойственной ей прирожденной грацией Жибек стала спускаться по лестнице к залу, где некоторые уже танцевали, но большинство еще сидели за столом, смеясь и переговариваясь.

Когда Жибек осталось пройти всего несколько ступенек, она остановилась на секунду, чтобы оглядеть собравшихся и найти подруг. Они стояли всего в нескольких метрах от лестницы, Перизат подняла руку и помахала ей, чтобы она присоединялась, Жибек кивнула и улыбнулась.

Все еще улыбаясь, она отвела взгляд, но улыбка вдруг застыла на ее губах, когда взгляд ее пересекся с черными, как смоль, глазами. В группе мужчин у подножия лестницы стоял и смотрел на нее Арлан, его недосказанная речь словно замерла на полпути. Он откровенно разглядывал ее: от блестящих черных волос его дерзкий взгляд скользнул к груди и талии, затем опустился до изящных лодыжек и снова резко поднялся к лицу, выражая неподдельное восхищение. Отдавая дань ее красоте, он по неволе слегка приподнял одну бровь, прежде чем вернуться к разговору с собеседником. Едва давая понять, что ее выход безусловно не оставил его равнодушным.

Каким-то непостижимым образом Жибек удалось сохранить бесстрастное выражение лица и продолжить грациозное шествие по лестнице, однако пульс ее забился с удвоенной частотой, и в душе воцарилось полное смятение. Если бы подобное поведение позволил себе любой другой мужчина, она была бы возмущена или по крайней мере неприятно удивлена. Но вместо справедливого негодования его улыбающиеся глаза и шуточный взгляд вызвали у нее ощущение какого-то безмолвного интимного диалога, и, не желая того, она невольно улыбнулась ему в ответ.

Маулен Абдрашитов, двоюродный брат Даурен Курметова, ждал ее внизу лестницы. Ей нравился этот человек, особенно то, что он никогда не принадлежал к числу ее поклонников. Между ними установилось нечто вроде дружбы, он знал о ее сближении с Дауреном, так как приходился тому родственником. Рядом с ним стоял Алишер Мусин, один из наиболее настойчивых искателей ее расположения – красивый, несколько взбалмошный, способный на необдуманные поступки молодой человек. Он так же, как и Жибек, еще в юности остался без

родителей, но в отличии от нее, получил по наследству огромное состояние- курортную недвижимость по всему миру.

– Ну надо же! – воскликнул Алишер, мгновенно перехватив бокал белого вина у проходящего мимо официанта, и протянув бокал к Жибек продолжил: – Мы слышали, что ты будешь здесь, но, откровенно говоря, не надеялись. Ты сегодня просто восхитительна. Позволь тебя угостить.

– Восхитительна, – с сарказмом повторил его Маулен. Он многозначительно улыбнулся, взглянув на простертую руку Алишера, и сказал: – В сегодняшнем меню преобладает красное мясо, лучше отдать предпочтение красному вину. Жестом, подзвав к себе официанта с подносом, он протянул Жибек бокал красного вина.

Жибек натужно улыбнулась и, чувствуя себя в таком в дурацком положении, в котором раньше ей бывать не приходилось, позволила себе разрядить обстановку.

– Спасибо, – она взяла в руки каждый из предложенных ей бокалов. – Надеюсь, вы оцените, как широко простирается мое расположение к вам. – Боюсь, что я сейчас похожа больше на человека, пристрастившего к горячительным напиткам, слишком любящего вино, чтобы пить его из одного бокала! Сказала Жибек и положила оба бокала на стойку.

Мужчины засмеялись, и Жибек вместе с ними.

И именно эту сцену наблюдал Арлан, когда они подошли к группе мужчин. Жибек всячески избегала смотреть в его сторону до тех пор, пока они совсем не приблизились, но потом кто-то окликнул Маулен, и он замедлил шаг, чтобы ответить. Поддавшись искушению, Жибек все-таки метнула один быстрый взгляд на высокого широкоплечего мужчину в центре группы. Он стоял, наклонив голову, и, казалось, был полностью поглощен разговором с единственной в их группе женщиной, которая, смеясь, что-то говорила ему. Если он и знал, что Жибек смотрит на него, то не подал вида.

– Надо сказать, я был немного удивлен, когда узнал, что ты тоже будешь здесь, куда же смотрят Марат и Даурен – сказал Маулен, вновь поворачиваясь к ней.

– Почему же? – Спросила Жибек, твердо поклявшись себе больше не думать о Арлане. Она совершенно не знает этого человека, к тому же уже почти обручена, и в то же время постоянно думает о нем!

– Потому что на вечеринках у Аиды собирается общество, малоподходящее для девушки твоего возраста.

Встревоженная его словами, Жибек сделала вид, что беспечно разглядывает красиво расписанную стену напротив.

– Но мой брат никогда не возражал против моего общения с кем-либо. И моя мама дружила с мамой Аиды. Аида когда-то училась с моим братом в Шымкенте, мы даже жили по соседству.

Маулен добродушно улыбнулся и объяснил:

– В Шымкенте, – он сделал ударение на этом слове, – она была образцовая девушка. Но сейчас... Светские тусовки, вечеринки, приемы по случаю дня рождения, которые она так часто устраивает... как бы это объяснить, это смотрины красивых девушек, которые себя предлагают в качестве токалок, эдакий эксклюзивный эскорт для денежных мужчин, он обвел взглядом присутствующих. – затем остановился и продолжил: – Я ни в коем случае не хочу сказать, что присутствие на этом вечере может погубить твою репутацию. В конце концов, здесь находятся и такие, кто пришел просто пообщаться и увидеть старых знакомых, – улыбнулся он, – но несметное количество красоток, на ее тусовках, и пузатых агашек, свидетельствует о том, что все они здесь, все-таки, не проста.

– Некоторые гости, так и продолжают расхищать бюджет государства на прожорливых любовниц! – презрительно вставил Маулен, кивнув в сторону Арлана.

Снедаемая беспокойством и любопытством, Жибек не выдержала и с безразличным видом поинтересовалась:

– Ты говоришь об Арлане? Боранбаев?

– Как ни о ком другом.

Она сделала глоток вина и теперь уже с полным правом могла посмотреть на высокого загорелого мужчину, который занимал все ее мысли с тех пор, как она поговорила с ним единственный раз. На ее взгляд, он был одет исключительно элегантно и сдержанно: брючный костюм темно- синего цвета подчеркивал широкие плечи и длинные стройные ноги и сидел на нем как влитой, выдавая работу лучших портных Казахстана, белоснежная рубашка подчеркивало его благородную внешность. Даже в расслабленной позе, которую он занимал, было видно, что у него сильное тело батыра, в то время как лицо его было отмечено печатью ханской, холодной надменности.

– Э-э... неужели он так ужасен? – спросила она, оторвав наконец взгляд от чеканного профиля.

Она находилась под таким сильным впечатлением от его элегантной фигуры, что язвительный ответ Алишера не сразу дошел до ее сознания:

– Не то слово! Этот человек известен как картежник, игроман, редкостная сволочь!

Жибек глубоко вздохнула, слишком огорченная и разочарованная, чтобы, что то сказать.

Маулен бросил на Алишера предупреждающий взгляд, затем улыбнулся и попытался успокоить Жибек, неверно истолковав ее волнение.

– Не обращай внимания на Алишера. Они ненавидят друг друга с давних времен. Алишер все не может простить ему Сауле, которую тот у него отбил. Успокойся, Алишер! – добавил он, когда тот попытался протестовать. – А то из-за тебя Жибек решит, что мы собираем грязные сплетни.

Когда они подошли к группе, где стояли ее подруги, она едва слышала, о чем они говорят: все ее мысли были заняты Арланом.

– Не понимаю, что мужчины в ней находят, – говорила

Жания, – она ничуть не красивее любой из нас.

– А вы вообще замечали, – с философским глубокомыслием заметила Кымбат, – что мужчины обычно ведут себя как бараны?

Куда один – туда и все.

– Я только хочу, чтобы она поскорее выбрала кого-нибудь и вышла замуж, оставив нам остальных, – сказала Перизат.

– Мне кажется, она всерьез увлеклась им.

– Она зря теряет на него время, – злорадно усмехнулась Кымбат, сердито одернув свое красное платье. – Я уже говорила вам: Аида уверяет, что его не интересуют «невинные молоденькие штучки». Я вообще слышала, что он женат, закрыл супругу дома, а сам без остановки развлекаться. Но разве это кого-то интересует! Тем не менее, – сказала она с негодованием в голосе, – я была бы рада, если бы она воспылала к нему нежными чувствами. Одно свидание, несколько томных взглядов, и мы навсегда избавимся от нее, как только молва об этом достигнет ушей ее пылкого обожателя... Жибек! – воскликнула Кымбат, испугано заметив, наконец, Жибек, которая стояла чуть позади нее. – Выпей с нами вина! А мы уж думали, что Маулен немедленно отвез тебя домой!

– Я как раз хотел предложить тебе подвезти! – подхватил Маулен.

– Стойте, стойте! Дайте-ка я напомню всем, о планах на завтра. – быстро проговорил Алишер, ошибочно считая Маулена своим соперником, повернувшись к девушкам, он продолжил: – Завтра мы на весь день собирались выехать на природу, мы же договорились, вы все остаетесь здесь на выходные!

Злобные пересуды подруг повергли Жибек в такую растерянность, что она не приняла никакого участия в беседе. Когда они отошли, Маулен улыбнулся ей и сказал:

– Насколько я понимаю, скоро мы породнимся. – Заметив ее удивление этим преждевременным замечанием, он объяснил: – Дәурен саған құда түсетінің айтты. Уверен, твой брат посчитает этот брак подходящим. Я думаю, вопрос можно считать решенным.

Поскольку Марат специально предупреждал, чтобы она еще некоторое время подержала молодого олигарха в неизвестности, Жибек сказала единственно возможное при данных обстоятельствах:

– Это решение полностью зависит от моего брата.

– О-о, такое послушание лишний раз говорит в твою пользу, – одобрительно заметил он.

Через час, когда Жибек не дождавшись Маулена, внимательнее оглядела зал и обнаружила, что гости, причем не только мужчины, но и женщины, постепенно перемещаются в комнату отдыха с бильярдным столом и со столами для карточных игр. Она знала, что Арлан ушел туда в самом начале вечера, даже ее подруги с вождением стали поглядывать в ту сторону.

– Они играют в азартные игры? Здесь? Зачем? – спросила Жибек с возмущением Кымбат, которую все еще, по наивности, считала своей подругой.

– Просто, пощекотать себе нервы. Среди богатых казахов очень много любителей казино или картежников, это обычное дело. Здесь тебе и азарт, и один из способов показать, насколько ты крут. «Казах без понтов, беспонтовый казах». С сардонической улыбкой произнесла Кымбат.

Жибек никогда не могла понять, почему ее отцу, брату и другим мужчинам доставляет такое удовольствие демонстрировать свое финансовое благополучие или рисковать огромными суммами, только чтобы испытать судьбу. Но сказать об этом она не успела, потому что Перизат, указав на Жанию, Кымбат, Назиру и Жибек, с очаровательной улыбкой произнесла,

– Давайте посмотрим!

Маулен вдруг не захотел уходить, не поиграв в карты, взглянув на Жибек, он заколебался: его миссия опекуна вошла в конфликт с желанием пощекотать себе нервы.

– Уже слишком поздно, останемся, раз приехали. Не грех повеселиться с близкими друзьями перед свадьбой – успокоил ее Маулен.

– Тогда я пойду к себе. Очень хочется спать. Ответила Жибек

Время шло к одиннадцати ночи, и чувство здравого смысла подсказывало ей, что пора бы подняться в комнату. Длительное присутствие на увеселительных мероприятиях, плохо сказывались на репутации девушек. Не имея другого выбора, Жибек, попрощавшись с друзьями и пожелав им веселых игр в карты, повесила на лицо безмятежную улыбку и вышла на террасу подышать перед сном ночным, прохладным воздухом.

Бледный лунный свет падал на ступеньки террасы и освещенный фонариками сад, и, обретя, наконец, уединение и блаженный отдых, Жибек, была уже не в силах от него отказаться и побрела по дорожкам сада, рассеянно кивая встречным парам. На границе сада она остановилась, потом пошла направо, к увитой зеленью беседке. Голоса замерли в отдалении, сюда доносились только звуки музыки. Она постояла так несколько минут, когда позади нее раздался низкий бархатный голос:

– Потанцуй со мной, Жибек.

Напуганная бесшумным появлением Арлана, Жибек быстро обернулась и посмотрела на него, рука ее машинально поднялась к горлу. На миг ей показалось, что он перебрал спиртного, но потом, уловив его трезвый взгляд, поняла, что ошиблась. Льющаяся, красивая мелодия подхватила ее, он раскрыл ей объятия.

– Потанцуй со мной, – повторил он охрипшим голосом. Чувствуя себя как во сне, Жибек вступила в кольцо его рук. Его правая рука скользнула вокруг ее талии и привлекла девушку к сильному высокому телу. Левая рука захватила ее руку, и она вдруг осознала, что уже тихо кру-

жится в вальсе в объятиях этого мужчины, который танцевал с расслабленной грацией человека, для которого этот танец естествен, как дыхание.

Жибек положила руку ему на плечо, стараясь не думать о том, что его правая рука, стальным обручем охватившая ее талию, прижимает ее гораздо ближе, чем принято. Ей следовало испытывать ужас и подавленность, тем более что вокруг была крошечная тьма, но вместо этого она почему-то чувствовала себя спокойной и защищенной. Однако через какое-то время она стала испытывать неловкость от затянувшегося молчания и решила, что полагается завязать беседу.

– Мне показалось я не заинтересовала вас, – сказала она ему в плечо.

В его голосе прозвучала улыбка.

– Я был скорее поражен.

– Вас называют редкостной сволочью.

– Думаю, меня называли и похуже, – мягко сказал он, – в том числе и ваш вспыльчивый юный друг Алишер. Предлагаю перейти на ты. Добавил он спокойным голосом.

Жибек попыталась представить, что же может быть хуже, но хорошие манеры не позволили ей задать этот вопрос. Она подняла голову и, подозрительно заглянув ему в глаза, спросила:

– Хорошо. Давайте на ты... Надеюсь ты не станешь разбираться с Алишером?

– Я не настолько вспыльчив, – поддразнил он ее, сверкнув зубами в усмешке, – И, кроме того, думаю, с моей стороны будет крайне невежливо убить организатора завтрашней вылазки на природу, куда вы все собрались. Кстати, могу ли я предложить тебе альтернативное предложение?

Жибек проигнорировала его последнее предложение.

– Видишь ли, у меня есть брат, и он тоже очень вспыльчив. Так вот, я заметила, что, когда он слышит о себе маломальские кривотолки, очень сердится, никакими доводами его не образумить.

– Меня не интересует мнение окружающих людей.

Вот, подумала Жибек «Чем отличается человек, который с пеленок крутится в этом самом высшем обществе такой как Алишер, например, от человека выросшего в семье бедного батрака, познавшего все тяготы безденежья до своего финансового успеха: вторых отличает боязнь выдать свое непрестижное прошлое – слишком много читают, пытаются нарядить своих родственников в дорогие наряды, заводят разговоры о высоком искусстве. Но все однажды летит к чертям, им все это надоедает, и они избавляются от такого аристократичного чувства – как стыд. Срыв, они начинают творить все что им вздумается. Слетает маска, обнажив их естественное, невежественное нутро. Их грубость как защитная реакция, показатель закомплексованности. Мнение общественности для них ничего не значит» Именно об этом ей всегда говорил Марат, любивший указывать сестре на классовые различия.

– Ты не согласна?

Слишком погружённая в свои мысли, чтобы осознать, Жибек кивнула и сказала:

– Неужели тебя совсем не волнует общественное мнение, порицание, восхищение?

– Волка не должно волновать мнение овец.

Улыбка мгновенно слетела с его лица, и взгляд утратил свою мягкость.

– Это имеет для тебя такое значение?

Загипнотизированная неподвижным взглядом его янтарных глаз, Жибек, утратила обычную ясность мысли. В данный момент для нее все имело весьма относительную значимость по сравнению с его глубоким, завораживающим голосом.

– Наверное, нет, – дрожащим голосом ответила она.

– Музыка кончилась, – тихо добавил он, и только тогда Жибек заметила, что они уже не вальсируют, а только слегка покачиваются, обнявшись. Понимая, что у нее нет оправдания,

чтобы и дальше находиться в его объятиях, она подавила разочарование и хотела отступить, но тут заиграла новая мелодия, и их тела снова согласно задвигались в такт музыке.

Ее мозг бешено заработал, пытаясь составить некий перечень доводов, которые могли бы опровергнуть слова Алишера. Хотя... заполучить его в зятя была бы счастлива любая мать, но ни одна из них не приветствовала бы близкого общения до бракосочетания, зная его репутацию распутника и повесы. Если бы она могла закрыть глаза на то, что сказали ей Алишер и Маулен...

– Почему ты отказался потанцевать со мной?

Он мрачно усмехнулся.

– Назови это хорошо развитым инстинктом самосохранения.

– Не понимаю.

– Твои глаза, моя дорогая, – сказал он, криво улыбаясь. – Они могут и святого сбить с пути истинного, а я не святой.

Жибек слышала немало цветистых комплиментов, воспевавших ее красоту, и относилась к ним с вежливым равнодушием, но грубоватая лесть Арлана, к тому же высказанная почти с неохотой, заставила ее рассмеяться. Позже она поняла, что в тот момент совершила самую большую ошибку: она позволила ему усыпить ее недоверие и восприняла его как равного, то есть хорошо воспитанного мужчину, на порядочность которого можно положиться, и расслабилась.

– Так какую альтернативу ты собирался мне предложить на завтра?

– Пообедаем, – ответил он, – в каком-нибудь уединенном местечке, где мы могли бы поговорить так, чтобы нас не увидели вместе.

Пикник наедине с едва знакомым мужчиной определенно не входил в список развлечений, допустимых для юной девушки, и все-таки Жибек было жаль отказаться от этой возможности.

– Где-нибудь на природе... у озера? – вслух подумала она, пытаясь сделать его предложение более приемлемым.

– Думаю, завтра соберется дождь, и, кроме того, у озера нас могут увидеть вместе.

– Но тогда где?

– В лесу. В одиннадцать часов утра я буду ждать тебя в охотничьем домике. Он находится на южной части комплекса, у ручья. Если выйти за ворота особняка, то в стороне от основной дороги будет тропинка. По ней до домика всего пол километра.

Жибек была слишком испугана его предложением, чтобы задуматься, как и когда Арлан успел так близко познакомиться с местными владениями, что ему известны его укромные уголки.

– Это абсолютно исключено, – сказала Жибек дрожащим, срывающимся голосом. Даже она была не настолько наивна, чтобы согласиться на встречу с мужчиной в уединенном доме, и была страшно разочарована тем, что он предложил ей это. Порядочный мужчина никогда не сделал бы такого предложения, а порядочная девушка никогда не приняла бы его. Бота предупреждала ее о подобной возможности, и Жибек чувствовала, что ее предупреждения разумны. Девушка резко рванулась, пытаясь вырваться из рук Арлана.

Он мягко придержал ее, не дав ускользнуть от него, и, едва не коснувшись губами ее волос, с удивлением произнес:

– Разве тебе не говорили, что нельзя покидать партнера, пока не закончится танец?

– Он закончен! – с горечью в голосе прошептала Жибек, и было ясно, что она имеет в виду не только танец. – И я вовсе не так неопытна, как ты думаешь, – предупредила она, грозно нахмурившись ему в грудь.

– Я даю тебе слово, – тихо сказал он, – что не стану тебя ни к чему принуждать, если ты придешь туда завтра.

Как ни странно, Жибек поверила ему, однако это не меняло дела – она не могла согласиться на эту встречу.

– Поверь, у меня нет плохих намерений, – добавил он.

– Если бы это было так, то никогда не сделал бы подобного предложения, – сказала Жибек, стараясь не обращать внимания на тупую боль в груди от разочарования.

– Какой бесспорный образец логического мышления, – мрачно проговорил он. – Хотя, с другой стороны, у нас есть только один выбор.

– У нас вообще нет никакого выбора. Даже то, что мы сейчас находимся вместе, со стороны может выглядеть двусмысленно.

– Я буду ждать тебя завтра до двенадцати часов.

– Я не приду.

– Я буду ждать, – повторил он.

– И напрасно потратишь время. Отпусти меня. Все это было ошибкой!

– В таком случае пусть их будет две, – хрипло сказал он, и его рука вдруг напряглась и резко притянула ее. – Посмотри на меня Жибек, – прошептал он, и его теплое дыхание коснулось волос у нее на виске.

В голове у Жибек забили тревожные колокола, предупреждая об опасности. Если она поднимет голову, он поцелует ее.

– Я не хочу, чтобы ты поцеловал меня, – предупредила она, в душе не совсем уверенная в этом.

– В таком случае скажи мне хотя бы до свидания. Жибек подняла голову, и взгляд ее проследовал от его четко очерченного рта к глазам, смотревшим прямо на нее.

– До свидания, – сказала она и удивилась тому, что голос ее перестал дрожать.

Его глаза перемещались по ее лицу так, словно он хотел запомнить его, и наконец, остановились на губах. Неожиданно его руки соскользнули с ее плеч, он отпустил ее и отступил назад.

– До свидания, Жибек.

Жибек отвернулась и сделала шаг вперед, но сожаление, прозвучавшее в его голосе, заставило ее оглянуться, ... а может быть, это было ее сердце, которое сжалось так, словно она покидала... что-то такое, о чем могла бы потом пожалеть. В повисшем молчании они долго смотрели друг на друга – разделенные всего двумя шагами и целой пропастью предрассудков.

– Наверное, все уже заметили наше отсутствие, – беспомощно сказала Жибек, сама толком не зная, то ли извиняется перед ним за то, что покидает его, то ли ждет, что он уговорит ее остаться.

– Возможно.

Выражение его лица было бесстрастно, голос звучал вежливо и холодно, и она почувствовала, что он снова отдалился от нее и стал недостижимым.

– Мне в самом деле пора возвращаться.

– Конечно.

– Ты же понимаешь, правда... – Голос ее прервался, когда она взглянула на этого высокого красивого мужчину, и ей вдруг стали ненавистны все эти глупые социальные ограничения, которые сковывали ее свободу. Сглотнув, она попыталась объяснить снова, в душе желая, чтобы он либо прогнал ее, либо раскрыл ей объятия как тогда, когда просил потанцевать с ним.

– Ты же сам понимаешь, что я просто не могу быть с тобой завтра...

– Жибек, – оборвал он ее хриплым шепотом, и в глазах его вдруг затеплился огонь, когда он протянул к ней руку, почувствовав, что победа близка, тогда как Жибек еще не успела осознать своего поражения. – Иди сюда.

Рука Жибек протянулась к нему будто сама по себе, и он крепко обхватил ее пальцами, ее вдруг повлекло вперед, две руки, настойчиво ласкали ее. Она встала на цыпочки, чтобы дотянуться до него, и положила руки на его широкие плечи, прижавшись к нему так, словно искала у него защиты от этого мира, который вдруг стал таким темным и чувственным, в котором ничто уже не имело значения. Наконец он оторвался от ее губ, продолжая держать в своих объятиях, Жибек прижалась щекой к его хрустящей светлой рубашке, чувствуя, как он проводит губами по ее волосам.

– Это оказалось лучше, чем я предполагал. Прошептал он как бы про себя.

Как ни странно, но именно это последнее замечание привело Жибек в чувство, и она по-настоящему испугалась. Она высвободилась из его рук и стала расправлять платье. Достаточно успокоившись, чтобы посмотреть на него, она закинула голову и с выражением неподдельного ужаса проговорила:

– Этого не должно было произойти. Тем не менее, если мы поврозь вернемся в дом и сумеем влиться в компанию других гостей, возможно, никто и не подумает, что мы были вместе. До свидания, Арлан.

– Спокойной ночи, Қыз Жібек.

Жибек слишком торопилась уйти, чтобы обратить внимание на его подчеркнутое «спокойной ночи» в ответ на ее «до свидания». Она также не заметила и того, что он назвал ее не Жибек, а Қыз Жібек.

Она решила не идти через главный вход, а войти в дом через одну из боковых дверей, выходящих на балкон, и, взявшись за ручку, с облегчением вздохнула: дверь была не заперта. Жибек проскользнула в комнату, похожую на небольшую гостиную. На другом ее конце также была дверь, которая выходила, в пустынный коридор. После уютной ночной тишины дом казался наполненным настоящей какофонией смеха, голосов и музыки, больно ударявшей по ее нервам. На цыпочках она прошла через гостиную.

На этот раз удача, казалось, улыбнулась ей: в холле никого не было. Жибек решила быстро забежать в спальню. Она успела пробежать по лестнице для хозяйственных нужд, когда с центральной лестницы послышался голос Перизат:

– Послушайте, кто-нибудь видел Арлана?

Жибек вдруг охватил неподдельный ужас. Она тихонько вдохнула, мысленно помолилась, чтобы никто и не смел подумать, что она только что имела тайное свидание под покровом ночи. Жибек шустро накинув халат, стащила с волос заколку.

– Айгуль сказала, что в последний раз его видела в саду с девушкой, очень похожую Жибек, подойти ближе она не решилась – услышала она недобрый голос Кымбат. – Я вот, поднялась, в комнату Жибек, хотела спросить ее о планах на завтра, она не отвечала на мои сообщения в Whatsapp, и я подумала, может ее и вовсе нет у себя в комнате...

Она умолкла на полуслове, ошарашено глядя на неторопливо открывшую дверь Жибек, взлетевшую в комнату по второй лестнице всего несколько мгновений назад.

– О Боже, – Жибек с сонным видом улыбнулась Перизат и Назире, – не знаю, почему эта жара так действует на меня. Ты стучала? Я еле как заставила себя встать.

– Ааа... я только хотела узнать, собираешься ли ты с нами завтра на пикник – стыдливо прошептала Кымбат.

Для Жибек наступил решающий момент – момент, когда она должна была решить, пойдет она завтра на встречу с Арланом или нет. В действительности ни о каком выборе не могло быть и речи, и она прекрасно понимала это. С наигранной радостью она улыбнулась и ответила:

– да. Конечно.

– Отъезд намечается на половину одиннадцатого. Насколько я поняла, программа совсем обычная – шашлыки, обед на природе, небольшая прогулка по местности, и всего-то. Продолжила Перизат явно не желающая ее присутствия.

Жибек мысленно вздохнула – такой ужасно скучной показалась ей эта перспектива.

– По-моему, программа чудесная! – ответила Жибек, мечтая о покое и тишине своей спальни. – А сейчас, я пойду, отдохну. Сказать по правде, вы меня разбудили своим громким разговором.

С этими словами она удалилась, оставив собеседников озадаченными. И только когда она зашла обратно, до нее дошел смысл сказанных ею слов. Она встала как вкопанная, затем покачала головой. В конце концов, не так уж и важно, что они подумают, решила Жибек, чувствуя себя слишком несчастной, чтобы задуматься о том, как странны для нее подобные мысли.

Последние несколько минут чудесного везения убедило ее в том, что Аллах все-таки есть на свете и время от времени вспоминает о ней. Поэтому перед сном лежа в кровати, она мысленно возносила ему молитву, сопровождая ее обещанием, что больше никогда, никогда в жизни не поставит себя в такое компрометирующее положение. Одновременно с тем, как она сказала про себя «аминь», до нее дошло, что все это время она продолжала вспоминать черты его мужественного лица.

– Можешь разбудить меня в восемь, ты всегда просыпаешься раньше всех – попросила Жибек, разговаривая с Ботой по Whatsapp.

– ммм...окееей... Ответила, растягивая буквы Бота. Это был верный признак того, что она была чем-то озадачена.

– Что-то случилось? – спросила Жибек, накладывая на лицо питательную маску.

– Ермекова Айгуль, мы с ней учились в одном университете, она тоже сейчас там, где и ты, так вот, я переписывалась с ней недавно, ей привиделось, что сегодня ночью ты обнималась с Арланом в саду... я конечно сказала ей что это была не ты, что это абсурд. Думаю, я ее убедила. Ты же знаешь, как любят они посплетничать – расстроено ответила Бота. – Надеюсь, до Марата это не дойдет, скажет, что стоило ему единственный раз оставить тебя без присмотра, как ты тут же устроила Бог знает что!

– Я сама ему все объясню, – устало пообещала Жибек.

– И что же ты ему объяснишь? Это реально была ты? – закричала Бота.

Жибек неохотно поведала ей историю про просьбу Кымбат и Перизат, скрыв самую интересную часть вечера. И пока она говорила, лицо Боты понемногу смягчалось.

– Так что, сама теперь видишь, – зевая, закончила Жибек, – не могла же я отказать. Иначе, они бы обиделись. А кто с ним обнимался позже, я не в курсе. Это была точно не я.

Темное небо за окном прочертила молния, осветив всю комнату, затем прогремел гром, и оконные стекла слегка задрожали. Жибек закрыла глаза и помолилась, чтобы плохая погода не сорвала завтрашнюю вылазку на природу, потому что перспектива провести целый день в одном доме с Арланом не имея возможности ни взглянуть на него, ни поговорить с ним, была слишком тяжким испытанием. «Я почти заболела им», – подумала она.

Ночью ей снился яростный шторм, чьи-то сильные руки протянулись к ней, чтобы спасти, и потащили из воды, а затем снова бросили в волнующееся море...

Глава 4

Бледный солнечный свет затопил комнату, и Жибек неохотно перекатилась на спину. Она принадлежала к тому типу людей, которые, сколько бы ни спали, при пробуждении долго не могут прийти в себя и с удивлением осматриваются вокруг, пытаясь понять, где же они находятся. Марат всегда вскакивал с постели бодрым и полным сил, тогда как Жибек с трудом приподнималась на подушках и оставалась в таком положении не менее получаса, беспечно оглядывая комнату и заставляя себя окончательно проснуться. Но тот же Марат к десяти часам вечера уже всюду зевал, а Жибек не испытывала ни малейшей усталости и была готова играть

в карты, смотреть кино, или читать всю ночь напролет. По этой причине ей идеально подходил «режим совы», когда утренний сон затягивался до полудня, а развлечения – до утра. Однако предыдущая ночь явилась редким исключением, Жибек попыталась открыть глаза, и ей показалось, что голова ее налита свинцовой тяжестью. В этот момент кто-то тихо постучался в дверь. Полненькая женщина из местного обслуживающего персонала, как оказалось, принесла для Жибек поднос с завтраком: маленький чайник с горячим шоколадом и тоненький ломтик поджаренного хлеба с маслом. Вздохнув, Жибек заставила себя исполнить весь ритуал вставания. Затем, приказала рукам дотянуться до подноса и налить в чашку горячий, бодрящий напиток.

В это утро она мучилась, как никогда: мешала тупая боль в голове и смутное ощущение, что случилась какая-то неприятность.

Все еще пребывая в промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, Жибек сняла с чайника салфетку и еще раз наполнила шоколадом тонкую фарфоровую чашку. И только тут она вспомнила: сегодня этот темноволосый загорелый мужчина будет ждать ее в охотничьем домике. Он будет ждать ровно час, а потом уйдет – потому что Жибек там не появится. Но она не может прийти туда. Просто не может!

От мыслей ее отвлек звонок мобильного телефона, это была Бота.

– О-о, ну слава Богу. Я уж боялась, что ты заболела.

– Почему? – спросила Жибек и снова поднесла чашку к губам.

– Да потому что я не могла разбудить....

Сделав глоток, Жибек начала подозревать неладное

– Сколько времени? – медленно спросила она.

– Уже почти одиннадцать.

– Одиннадцать! Ведь мне нужно было встать в восемь! Как я могла проспять!

Девушка начала лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Если быстро одеться, может быть, еще удастся догнать остальных. Или...

– Я звонила тебе чуть ли не с семи утра, – воскликнула Бота, – но потом решила, что ты не хочешь просыпаться.

– Я всегда не хочу просыпаться, Бота, ты знаешь это! Твои подруги наверняка специально меня не разбудили! В последнее время они ведут себя очень странно!

Раскаиваясь в своей резкости, Жибек сделала глубокий вздох и извинилась.

– Я сама виновата, сплю, как медведь во время зимней спячки. К тому же, если они действительно не выехали на природу, не важно, что я проспала.

Она попыталась было приспособиться к мысли, что ей придется провести весь день в одном доме с человеком, от взгляда которого, брошенного вскользь через комнату, полную людей, у нее начинало колотиться сердце, как вдруг услышала голос Боты:

– Да нет, они выехали на природу. Я перед тем как тебя набрать, просмотрела сторис Назиры... И еще, не такие они мне и подруги, только если Назира, да и то, так, жэй, хорошая знакомая.

На мгновение, закрыв глаза, Жибек издала глубокий вздох. Уже одиннадцать, и это значит, что Арлан начал свое бесполезное ожидание в домике.

– Понятно, спасибо Бота. Еще раз извини меня, если я тебя ненароком обидела. Тогда я, пожалуй, посплю еще, а вечером вернусь домой с Мауленом. – сухо вато бросила она

Было уже половина двенадцатого, когда Жибек в спортивном наряде персикового цвета накинув белую куртку бомбер, спустилась вниз. Волосы были убраны в тугий хвост. Из игровой комнаты до нее донеслись мужские голоса, свидетельствовавшие о том, что не все гости предпочли прогулку в лесу. Жибек умерила шаг, размышляя, не заглянуть ли ей в комнату, чтобы посмотреть, вернулся Арлан или его еще нет. Но она быстро пришла к убеждению, что

он наверняка уже здесь, и, не желая видеть его, быстро пошла в противоположном направлении и вышла из дома через парадную дверь.

Вопреки здравому смыслу, сердце ее глухо отбивало убегающие минуты и терзалось от мысли, что Арлан в это время одиноко сидит в охотничьем домике и ждет девушку, которая не придет.

Огненная вспышка молнии пронзила бледное небо, и Жибек вскинула на него обеспокоенный взгляд. Она все равно не останется здесь, как бы ни была неприятна перспектива быть застигнутой грозой под открытым небом.

Первые тяжелые капли дождя упали на землю, как только она отошла от дома отдыха.

– Чудесно, – сказала Жибек, внимательно изучая небо. Несколько минут спустя Жибек заметила, что ветер, который до сих пор только тихо вздыхал, перебирая листву, начал со стонами гнуть ветки, и в воздухе стремительно холодало. Редкие капли дождя перешли в ливень. К тому времени, как Жибек увидела ответвляющуюся от главной дороги тропинку, ведущую в лес, ее одежда уже наполовину промокла. Чтобы хоть как-то укрыться от дождя, она свернула с дороги на тропинку.

По крайней мере, деревья могут послужить ей зонтиком, пусть и довольно дырявым.

Наверху сверкали и вспарывали небо молнии, чередуясь с оглушающими раскатами грома, и Жибек начала понимать, что вопреки предсказанию приложения на «андроиде», назревает и вот-вот разразится настоящая буря. Теперь все ее мысли занимал дом, который должен был находиться в конце тропинки. Девушка в нерешительности кусала губы, прикидывая, сколько сейчас может быть времени. В любом случае не меньше часа, так что Арлана там давно уже нет.

После еще нескольких секунд размышления Жибек пришла к заключению, что напрасно воображает, будто Арлан придает такое уж большое значение ее особе. Прошлой ночью она могла видеть, с какой легкостью он переключил свое внимание на Назиру, всего через час после того, как познакомился с ней в саду. Наверняка с его стороны все, что произошло позже, было всего лишь минутное развлечение. И нечего разыгрывать мелодраму, представляя, как он, несчастный, Ходит из угла в угол, с тоской поглядывая на дверь. В конце концов, он игрок и, возможно, опытный соблазнитель. Конечно же, он ушел в двенадцать и теперь ищет в доме более податливый предмет обожания, а в том, что его поиски будут успешными, она не сомневалась. Но если по какой-то невероятной случайности он все еще там, она увидит его и тогда просто повернется и пойдет назад к гостевому дому.

Через пятнадцать минут от начала пути, в конце тропинки она увидела дом. В чаще леса он казался гостеприимной обителью. Жибек напряженно всматривалась в одну из окон, пытаясь разглядеть Арлана. Сердце ее забило тяжелыми толчками от тревоги и неизвестности, когда она увидела окно маленького домика, но вскоре поняла, что нет никаких причин для беспокойства. Здесь было совершенно пусто. «Вот оно – наглядное свидетельство глубины его внезапного чувства ко мне», – подумала Жибек, не желая признаться даже самой себе, как ей больно от этой нелепой мысли.

И как глупы, бывают женщины? – задала она вопрос самой себе, чувствуя, что огорчена гораздо сильнее, чем следовало бы. Она понимала, что в ее чувствах нет никакой логики – ведь она даже не хотела идти сюда и не хотела, чтобы он ждал ее здесь, и вот теперь чуть не плачет оттого, что он не пришел!

Сердито дернув за ручку, она открыла дверь, затем шагнув, застыла в ужасе!

В противоположном конце комнаты спиной к ней стоял Арлан. Опустив свою темноволосую голову, он смотрел на весело потрескивающий в камине огонь. Руки в карманах, одна нога поставлена на каминную решетку. На нем была тонкая хлопчатобумажная рубашка, под которой заиграли мышцы, когда он вытащил руку из кармана и запустил ее в волосы. Жибек

молча стояла и любовалась на прекрасные пропорции его широких плеч, тонкой талии и длинных стройных ног.

Что-то в задумчивой позе Арлане, а также то, что он ждал ее уже больше двух часов, пошатнуло убеждение Жибек в том, что для него было не так уж важно, придет она или нет. Эта мысль мелькнула еще прежде, чем она взглянула на стол. У нее перевернулось сердце, когда она увидела, скольких хлопот ему стоило устроить этот обед: грубые доски стола были покрыты льняной кремовой скатертью, на которой стояло два прибора из белого с золотистым узором, китайского фарфора, очевидно, позаимствованного в гостевом доме. В центре стола стояла ваза с одной единственной розой, широкая тарелка с нарезанным сыром и холодным мясом и наполовину пустая бутылка вина завершали натюрморт.

За всю свою жизнь Жибек ни разу не видела мужчину, который умел бы сервировать стол. Женщины это делали. Женщины или обслуживающий персонал. Но не такие красивые мужчины, от взгляда на которых сердце колотилось как бешеное. Ей казалось, что она стоит здесь не какие-то секунды, а уже несколько минут, когда спина его внезапно напряглась, словно он почувствовал ее присутствие. Арлан обернулся, и на лице его появилась кривая усмешка:

– А ты не очень-то пунктуальна.

– Я не собиралась сюда приходить, – честно призналась Жибек, стараясь восстановить душевное равновесие и не поддаваться притяжению его голоса и глаз.

– Ты промокла.

– Я знаю.

– Иди к огню.

Видя, что она продолжает стоять, опасливо глядя на него, он убрал ногу с каминной решетки и подошел к ней. Жибек словно приросла к полу, все предупреждения Айман апа о свидании с мужчиной наедине разом пронеслись у нее в голове.

– Чего ты хочешь? – почти беззвучно спросила она, чувствуя себя чуть ли не карлицей рядом с его высокой фигурой.

– Снять с тебя куртку.

– Нет, я предпочитаю, чтобы она оставалась на мне.

– Снимай, – спокойно повторил он, – она насквозь мокрая.

– Держись от меня подальше! – выкрикнула она и, вцепившись в куртку, стала отступать к двери.

– Жибек, – заговорил Арлан ровным, успокаивающим голосом, – я дал тебе слово, что если ты придешь сюда, то будешь в полной безопасности.

Она на мгновение закрыла глаза и кивнула.

– Я знаю. Но я также знаю, что не должна быть здесь. Мне необходимо уйти отсюда. Необходимо. Действительно, необходимо? – Открыв глаза, она вопросительно посмотрела ему в лицо.

– Учитывая обстоятельства, не думаю, что тебе стоит спрашивать об этом меня.

– Я останусь, – решила Жибек после секундного размышления и увидела, как он сразу внутренне расслабился. Она расстегнула курточку и отдала ему. Арлан отнес их к камину и повесил на крючках на стене.

– Встань у огня, – приказал он, подходя к столу и наполняя вином бокалы. Она послушно приблизилась к

У нее намокли волосы, и, стащив резинку для волос, Жибек энергично тряхнула головой. Не подозревая, как обольстительно при этом выглядит, она подняла руки и начала приподнимать волосы, перебирая их пальцами.

Через какое-то время она посмотрела на Арлана и увидела, что он стоит совершенно неподвижно и смотрит на нее. Что-то в выражении его лица заставило ее уронить руки, и чары

были разрушены. Но тепло, разлившееся по ее телу от его откровенного обнимающего взгляда, осталось, и снова осознание страшного риска, с которым было связано ее пребывание здесь, заставило девушку внутренне сжаться. Она совершенно не знала этого человека, они познакомились всего несколько часов назад, но он смотрит на нее так, как могут смотреть люди только очень... близкие. И имеющие на тебя право. Он вручил ей бокал и кивнул на старенький диван, занимавший почти всю комнату.

– Если ты уже достаточно согрелась, можешь присесть, жаным. Диван чистый.

Должно быть, когда-то обивка дивана была ярко зеленой, но со временем стала фиштаккового цвета. Жибек не сомневалась, что этот диван был сплавлен сюда из господского дома за ненадобностью.

Усевшись настолько далеко от Арлана, насколько позволял диван, Жибек скрестила ноги. Он обещал, что она будет «в безопасности», что оставляло, как она теперь поняла, большой простор для интерпретации.

– Если я останусь, – с трудом выговорила она, – думаю, нам надо условиться о соблюдении всех правил.

– Каких, например?

– Ну, для начала ты должен перестать называть меня вот так.

– Принимая во внимание, что мы целовались в саду вчера вечером, я имею на это полное право.

Сейчас было самое время сообщить ему, что она собирается выходить замуж за Даурена и считает произошедшее большой ошибкой, но такое резкое упоминание о том незабываемом (и абсолютно запретном) происшествии слишком сильно подействовало на нее, что она не смогла сформулировать предложение в соответствии с ходом ее мыслей.

– Что бы ни случилось вчера вечером, это не должно повлиять на наше поведение сегодня. Наоборот, сегодня... сегодня мы должны вести себя вдвойне осмотрительнее, чтобы... чтобы загладить то, что произошло вчера! – огорченно закончила она.

– Так вот как это делается? – спросил он, и глаза его начали весело поблескивать. – Прости, но я не представлял, что ты сверяешь каждый свой шаг с условностями.

Конечно, такому человеку – не связанному никакой ответственностью, игроку – условности и правила должны казаться ужасно утомительными, но Жибек понимала, что сейчас для нее крайне важно убедить его принять ее точку зрения.

– да, но это действительно так, – подтвердила она, – у нас, в моей семье, вообще очень обостренное отношение ко всякого рода условностям.

– Понятно, – сказал Арлан, и губы его чуть-чуть задрожали, удерживая улыбку. – Только скажи мне, – вкрадчиво спросил он, – как такая церемонная особа могла вчера вечером попросить совершенно незнакомого человека пригласить ее на танец?

– Ах, это... – сказала Жибек. – Ну, это... ну, назовем это моим желанием повеселиться... Это не стоит даже обсуждения, так, забава, – добавила она, чувствуя, как гнев вновь просыпается в ней при воспоминании о вчерашней сцене.

– Веселье? – на лице его играла ленивая дразнящая улыбка. – Как странно слышать подобное суждение от такой яркой блюстительницы условностей, как ты.

Жибек поняла, что попалась.

– Просто я до смерти боюсь находиться здесь с тобой, – дрожащим голосом призналась она.

– Я знаю. Но ты можешь бояться кого угодно, только не меня. От того, каким тоном были сказаны эти слова, у Жибек задрожали колени, и вновь участилось сердцебиение. Чтобы скрыть волнение, она отпила значительное количество вина из бокала и мысленно взмолилась, чтобы это успокоило ее разошедшиеся нервы. Видя, в каком она состоянии, он деликатно переменял тему.

– Какие еще мысли посетили тебя относительно того, как несправедливо обошлись с Галилео Галилеем? Она сокрушенно покачала головой.

– Я знаю, что мне не стоило затевать таких разговоров.

– А мне это показалось приятным разнообразием по сравнению с обычными банальностями.

– Правда? – она посмотрела на него со смесью недоверия и надежды, не осознавая, как ловко Арлан отвлек ее от мрачных сожалений и перевел разговор на более легкий предмет.

– Правда.

– Как жаль, что многие так не думают. Находят мои темы для разговора довольно странными.

Он сочувственно усмехнулся.

– И давно тебе приходится скрывать тот факт, что в твоей голове появляются мысли, чуждые высшему обществу Казахстана?

– Четыре недели, – засмеялась Жибек. – Ты и представить себе не можешь, как ужасно сложно мне произносить какие-то штампы. Задавать по натуре вопросы действительно интересующие тебя, а в ответ получать неодобрительные усмешки.

– И какие же вопросы ты пробовала задавать?

Жибек улыбнулась.

– Ну к примеру, Самат – сын Капарова Айдара, главы «JasylBank» – тогда он, только что вернулся из непродолжительной командировки в одну из сел Акмолинской области. Я попросила его рассказать мне, как живут сельчане. Тут он возмутился и сказал, что не плохо, правда была небольшая проблема с его электрокаром «TESLA», по всему аулу не было ни одной зарядной станций, это его очень смутило и он решил, селу необходим – «Toyota» центр, но предпочтительнее «Mercedes» центр, эта марка ему кажется более надежной, и зарядные станции для электрокаров. Ведь именно по этой причине, сельчане, передвигаются на лошадях! Вауля! Предоставьте им сервис, и они сразу же поймут что автомобили гораздо комфортнее животных, и пересядут на машины и электрокары.

– И что же ты ему ответила? Спросил Арлан, с ироничной улыбкой

– Что это просто гениальная идея! Ответила Жибек и сокрушенно покачала головой.

Два часа пролетели незаметно. Жибек расспрашивала его о местах, в которых он побывал, и увлеченно слушала его рассказы, ни разу за все время он не отказался удовлетворить ее интерес и не посмеялся над ее замечаниями. Он разговаривал с ней, и, казалось, получал от этой беседы не меньшее удовольствие, чем она. Они поели и снова пересели на диван. Она знала, что прошли уже все сроки, когда ей нужно было уйти, но никак не могла собраться с духом и распрощаться с ним.

– Я часто думаю, – призналась она после того, как он рассказал ей о женщинах в странах арабского мира, которые на людях должны скрывать свое лицо и волосы, – как это несправедливо, что у женщины никогда не будет личной жизни.

– В арабских странах между полами существует неравенство – женщины действительно лишены многого из того, что доступно мужчинам.

– Однако и те, и другие обязаны исполнять свой долг, – сказала Жибек с забавной серьезностью, – и говорят, это должно приносить чувство глубокого удовлетворения.

– А в чем ты видишь свой... э-э-э... долг? – поддержал он игру, улыбнувшись своей ленивой белозубой улыбкой.

– Ну, здесь все просто. Долг женщины, как внушают нам, наши казахские условности, состоит в том, чтобы быть женой, во всех отношениях достойной своего мужа. В то время как обязанности мужчины состоят в том, чтобы делать, что он пожелает и когда пожелает, и быть готовым защитить свою родину в случае, если возникнет такая необходимость. Вероятность такого случая чрезвычайно мала. Мужчины, – поведала она Арлану, – заслуживают почести,

жертвывая собой на мнимой поле битвы, а мы – реально приносим себя в жертву на алтаре супружества.

Он громко расхохотался, и Жибек улыбнулась ему, необычайно довольная, что может говорить с ним совершенно свободно.

– И если бы кто-нибудь всерьез задумался об этом, то пришел, бы к выводу, что наша жертва куда значительней и благородней.

– Как это? – все еще смеясь, спросил Арлан.

– Это же совершенно очевидно – войны длятся всего несколько лет, да и сейчас мы живем мирное время. В то время как супружество длится всю жизнь! Современная женщина – зарабатывает такие же деньги что и мужчина, она способна делать тоже, что и мужчина, и плюс ко всему она производит потомство. Что наводит еще на одну мысль, которая часто меня занимает, – весело продолжила Жибек.

– И что же это? – поинтересовался он, не сводя с нее восхищенных глаз.

– Почему нас, несмотря на такое выдающееся мужество, все еще называют слабым полом? – Их смеющиеся глаза задержались друг на друге, и Жибек вдруг осознала, какими дикими ему должны казаться ее рассуждения. – Вообще-то я редко так странно разговариваю, – сникнув, сказала она. – Ты, наверное, думаешь, что я странная.

– Я думаю, что ты великолепна.

Искренняя сердечность, прозвучавшая в его проникновенном голосе, вызвала у нее резкий глубокий вздох. Жибек открыла рот, собираясь сказать что-нибудь легкомысленное, чтобы восстановить легкую товарищескую атмосферу, витавшую в комнате всего минуту назад, но вместо этого смогла лишь издать еще один долгий прерывистый вздох.

– И думаю, ты знаешь об этом, – тихо добавил Арлан. Все это нисколько не походило на глупые комплименты с претензией на остроумие, которые она привыкла слышать от своих поклонников, и его слова испугали ее не меньше, чем чувственный взгляд черных глаз. Прижавшись спиной к подлокотнику дивана, она пыталась внушить себе, что нельзя так бурно реагировать на обычную салонную лесть.

– Я думаю, – сказала она с легким смешком, застрявшим у нее в горле, – что ты находишь великолепными всех женщин, которые оказываются с тобой наедине.

– У тебя есть основания так думать?

Жибек пожала плечами.

– Ну, например, вчера вечером.

Он непонимающе нахмурил брови, словно она говорила на непонятном языке.

– Я имею в виду Алиму, – напомнила она, – Мисс Казахстан, – ту самую, с которой ты провел весь вчерашний ужин. Ты так жадно внимал каждому ее слову.

Его лоб разгладился, и на губах появилась ухмылка.

– Ревнуешь?

Жибек приподняла свой аккуратный маленький подбородок и покачала головой.

– Не больше, чем ты меня к Алишеру. Она почувствовала относительное удовлетворение, увидев, как испарилась его снисходительная улыбка.

– Тот тип, который не в состоянии разговаривать, не дотрагиваясь при этом до твоей руки? – спросил он опасно мягким голосом. – Это и есть Алишер? Кстати сказать, жаным, большую часть ужина я раздумывал, что лучше – съездить ему по правому уху или по левому.

Жибек разразилась неудержимым звонким смехом.

– Но ничего подобного ты не сделал, – выговорила она.

– А ты бы хотела этого? – все тем же бархатным голосом спросил Арлан.

Уже в который раз Жибек поймала себя на том, что не понимает его. Ей вдруг снова стало страшно: всякий раз, как Арлан переставал разыгрывать из себя галантного кавалера, он

превращался в опасного загадочного незнакомца. Она откинула волосы со лба и выглянула в окно. – Уже, должно быть, четвертый час. Мне нужно идти.

Она поднялась на ноги и расправила кофту. – Благодарю тебя за приятно проведенный день. Сама не знаю, почему я осталась. Мне не следовало бы этого говорить, но я не жалею, что не ушла...

Она забыла, что хотела сказать дальше, увидев, что он тоже встает. Отчетливо тревожное чувство снова сдавило ей горло.

– Неужели? – медленно спросил он.

– Неужели что?

– Неужели ты не знаешь, почему ты все еще здесь, со мной?

– Я даже не знаю, кто ты такой! – воскликнула Жибек, – Я знаю, где ты побывал, но не знаю ни твоей семьи, ни твоих друзей. Я знаю, что ты по – крупному играешь в карты, и не одобряю этого...

– Я также играю по крупному, когда отправляю грузы спецтехникой, – это не оправдывает меня в твоих глазах?

– И еще я знаю, – отчаянно сказала она, глядя в его потемневшие от страсти глаза, – я совершенно точно знаю, что мне ужасно не по себе, когда ты так на меня смотришь!

– Жибек, – нежно сказал Арлан, и в его голосе прозвучала абсолютная убежденность, – ты здесь потому, что мы оба уже наполовину влюблены друг в друга.

– Чт-т-т-ооо? – ахнула она.

– А если тебе необходимо знать, кто я такой, то ответить на это очень просто. – Арлан погладил ее бледную щеку и положил руку ей на затылок. – Я тот человек, за которого ты выйдешь замуж, – спокойно объяснил он.

– Ты... ты, должно быть, сошел с ума, – дрожащим голосом сказала Жибек.

– ты в точности угадала мои мысли, – прошептал он и прижался губами к ее лбу, придерживая за руки, чтобы предотвратить попытку сопротивления. – Ты не входила в мои планы, Жибек.

– Пожалуйста, – беспомощно взмолилась Жибек, – не делай этого со мной. Я ничего в этом не понимаю, не знаю, чего ты хочешь.

– Я хочу тебя. – Он взял ее за подбородок и приподнял его, заставив поглядеть ему прямо в глаза. – А ты хочешь меня.

Жибек задрожала всем телом, когда увидела, что он наклоняет к ней голову и его губы приближаются к ее губам. Отчаянно ища способ предотвратить казавшийся уже неизбежным поцелуй, она попыталась снова завязать разговор.

– Откуда ты родом?

Его теплые губы были уже совсем близко.

– Я южанин, родился в Шымкенте, детство провел в Южно – Казахской области. – Хрипло пробормотал Арлан. – и закрыл ей рот поцелуем.

– Южанин! – воскликнула она, когда он оторвался от ее губ.

– Я сказал южанин, а не убийца, – засмеялся он ее испуганному возгласу.

«Южанин, да еще и картежник! Он будет развлекаться, в то время как я буду прислуживать его родственникам с утра до вечера, семь дней в неделю, мне придется забыть о близких мне людях, о своих интересах! И что самое ужасное, я подведу Марата! Даурен Курметов – вот кто мне нужен».

– Я не могу, не могу выйти за тебя замуж!

– Нет, Жибек, – прошептал он, прокладывая горячими губами тропинку к ее уху, – можешь.

Почувствовав ее напряжение, словно она причиняла ему боль своим молчаливым сопротивлением, он прошептал:

– Не бойся меня, я перестану, как только ты скажешь.

Захваченная в плен его сильных рук, Жибек приникла к нему, постепенно ускользя из мира реальности в темную бездну страсти, куда он сознательно увлекал их обоих.

Она слышала, как под ребрами у него колотится сердце, и когда он, уже не сдерживая своей страсти, стал целовать ее в каком-то диком, непонятном ей ритме, кровь зашумела у нее в ушах. Мужская рука властно скользнула ей на грудь, и она испуганно рванулась из его объятий.

– Нет, подожди, – прошептал он сам себе, с усилием оторвавшись от ее губ, – Не сейчас...

Внезапно он приподнялся и, не отрывая взгляда от ее призывно вздымающейся груди, сказал охрипшим от волнения голосом:

– Мы должны остановиться.

Сумасшедший вихрь налетевших на нее чувств начал замедляться и внезапно стих. Страсть уступила место страху, а потом и мучительному стыду, как только она осознала, что лежит в объятиях мужчины, которого видит лишь второй раз в своей жизни, и тело с готовностью представлено его обозрению. На секунду прикрыв глаза, Жибек загнала вглубь подступившие слезы и, скинув с себя его руку, приняла вертикальное положение.

– Дай мне встать, пожалуйста, – прошептала она, испытывая отвращение к самой себе. Она вздрогнула, когда он начал подправлять на ней кофту, но поскольку для этого он вынужден был отпустить ее, Жибек немедленно воспользовалась этим и вскочила на ноги.

Отвернувшись, трясущимися руками она застегнула замок и сорвала куртку с крючка над камином. Арлан двигался так бесшумно, что, только почувствовав у себя на плечах его твердые руки, Жибек поняла, что он уже встал с дивана.

– Не бойся того, что произошло между нами. У меня к тебе серьезные намерения, я хочу предложить тебе...

Смятение и злость на себя, терзавшие ее душу, вырвались наружу потоком глухих рыданий, и в результате всю свою ярость она обрушила на него. Не дав ему договорить, Жибек резко повернулась к нему и оттолкнув протянутые к ней руки произнесла:

– Предложить! – зазвеневшим голосом воскликнула она. – Что ты можешь мне предложить? Трешку, в которой я должна буду жить с твоей матерью, в то время как ты станешь разыгрывать из себя олигарха и спускать на карты все, что только можно...

– Если дела пойдут так, как я надеюсь, – заговорил Арлан, с трудом сохраняя спокойный тон, – то через год, самое большее – два я стану одним из самых богатых людей Казахстана. Если же нет, я все равно буду неплохо обеспечен.

Жибек сильнее зажала в руках куртку и в страхе отступила от него, отчасти боясь своей собственной слабости.

– Это сумасшествие. Полное сумасшествие. Она отвернулась и направилась к двери.

– Я знаю, – тихо сказал он. Она взялась за ручку и распахнула дверь, но, услышав позади себя его голос, задержалась на пороге.

– Завтра утром я уезжаю, и если ты передумаешь, напиши мне, до предстоящей среды я буду в городе. А после, я отправлюсь в США и вернусь уже только зимой.

– Н-н-надеюсь, это будет безопасное путешествие. – У Жибек были слишком взвинчены нервы, чтобы удивиться тому, как больно ей стало от мысли, что Арлан исчезнет из ее жизни.

– Если ты вовремя изменишь свое решение, – поддразнил он ее, – я возьму тебя с собой.

Жибек пришла в ужас от убежденности, с которой он произнес эти слова. Они все еще звучали у нее в ушах, когда она продиралась сквозь мокрый кустарник в густом тумане. Как все переменилось за эти несколько часов: она больше не чувствовала себя той разумной, уверенной в себе девушкой, которой пришла сюда, – теперь это была до смерти напуганная, запутавшаяся в своих чувствах девочка, придавленная тяжким грузом обязательств и условностей, которые гласили, что ее безумное влечение к Арлану было чем-то постыдным и непростительным.

Вернувшись в гостиный дом, Жибек с ужасом поняла, что уже совсем поздно и все, кто ездил на прогулку, давно вернулись. Она немедленно приняла решение написать Марату просьбу забрать ее сегодня же вечером, не дожидаясь утра.

Ужин Жибек попросила подать ей в комнату. Весь остаток дня она старательно избегала подходить к окну, из которого открывался вид на сад. Раза два она все-таки выглянула и оба раза видела там Арлана. В первый раз он стоял на террасе с сигарой в зубах, потом пошел через сад по тропинке, и было в его удаляющейся фигуре что-то такое неприкаянное, что у нее болезненно сжалось сердце. В следующий раз она увидела его в окружении незнакомых ей девушек, видимо, приехавших только сегодня. Женщин было пятеро, и все они, судя по поведению, находили его неотразимым. Жибек сказала себе, что ей это безразлично, это просто не может ее волновать. У нее есть обязательства по отношению к Даурену, и это должно быть для нее на первом месте. Что бы там ни думал Арлан, она не может связать свое будущее с никчемным картежником, никому не известным финансовым состоянием, даже если он самый красивый мужчина, которого породили казахские степи, и самый ...

Жибек закрыла глаза, пытаясь отгородиться от этих мыслей. Какая невероятная глупость приходит ей в голову. Она ведет себя неразумно и очень рискованно, потому что Кымбат и другие, кажется, уже заподозрили, где и с кем она была сегодня днем. Обхватив себя руками за плечи, Жибек вздрогнула, вспомнив, как искусно и тонко ее вывели на чистую воду, не успела она войти в дом.

– Господи, да ты вся промокла, – увидев ее, воскликнула Кымбат, изображая сочувствие. – Нам сказали, что ты ушла на весь день. Только не говори, что все это время мокла под дождем!

– Нет, я решила прогуляться, и ... наткнулась на домик, переждала там, пока прекратится дождь. – В тот момент это объяснение казалось ей совершенно безопасным, поскольку она не могла и подумать, что кто-то мог заметить ее либо Арлана. А если кто-нибудь, все же, и проходил мимо, вряд ли он заглядывал в окна.

– И в котором часу это случилось?

– Где-то около часа.

– А не встречался ли тебе Арлан пока ты гуляла? – со злорадной улыбкой громко спросила Кымбат, и все, кто был в гостиной, сразу замолчали, повернув головы в их сторону. – Хозяйственник сказал, что видел, как высокий и загорелый мужчина, вошел в охотничий домик. Он решил, что это один из гостей, и не стал обнаруживать своего присутствия.

– Я... я не видела его, – сказала Жибек. – Поднялся сильный ветер. Надеюсь, с ним не случилось никакого несчастья.

– Мы в этом не уверены. Его до сих пор нет. Аида очень беспокоится, хотя... – сделала паузу Кымбат, пристально наблюдая за лицом Жибек, – я уверила ее, что волноваться не стоит. Повариха сказала, что приготовила ему с собой обед на двоих. Отступив в сторону, чтобы пропустить проходившую пару, Жибек сообщила Назире о своем решении уехать сегодня вечером и, не дав ей возможности спросить о причине такого поспешного отъезда, сказала, что ей нужно сменить мокрую одежду, и ушла.

С одного лишь слова «привет», Бота поняла, что случилось нечто ужасное, когда Жибек ответила на ее звонок. К тому времени Марат написал Жибек, что немного задержаться, закончит кое-какие дела, и сразу же выедет за ней. Боте удалось вытянуть из Жибек большую часть истории, после чего, весь остаток разговора, Жибек пришлось успокаивать уже свою подругу.

Глава 5

– Ты получишь от Марата, когда Марат узнает об этом, а Марат узнает об этом. Я должна была отговорить тебя от этой поездки! Он прибудет нас обеих, вот увидишь. – Предупреждающе заверила Бота.

– Он ничего не узнает, – сказала Жибек, но в голосе ее прозвучал скорее вызов, чем убежденность. Ее вязаный кардиган лежал на кровати, рядом с которой стояла собранная сумка. Она с готовностью ожидала телефонный звонок Марата. Несмотря на напряженное ожидание, она подпрыгнула от неожиданности, когда раздался стук в дверь. Продолжая разговаривать по телефону, она открыла дверь, за дверью оказалась женщина из обслуживающего персонала гостиницы.

– Кымбат не может до вас дозвониться, она просит вас спуститься в оранжерею.

Вслед за испытанным облегчением, что это не Арлан, ей сжало сердце ужасное подозрение: вдруг Кымбат, каким-то образом, разузнала чем она занималась сегодня днем.

– Кымбат хочет, чтобы я прямо сейчас встретила с ней в оранжерее, – объяснила она Боте.

Голос Боты выдавал неприятное волнение:

– Она узнала о том, что между вами было! Поэтому она хочет встретиться с тобой! Не нравится мне эта Кымбат, у нее завистливый взгляд. Может, Арлан женат? И теперь его супруга решила разобраться с тобой?! О Боже, не нравится мне все это!

– Нет, что ты, не накручивай. Ответила Жибек, с присущим ей спокойствием.

Она еще ни разу в жизни не сталкивалась с интригами и не подозревала, что кто-то может ее обмануть, хотя и чувствовала, что на всем, происходящем здесь, есть отпечаток зла. Никак не отреагировав на замечание Боты, Жибек взглянула на часы. Было около шести.

– Марат может появиться здесь не ранее одного часа. А пока я пойду, узнаю, что понадобилось от меня Кымбат.

Она подошла к окну и раздвинула шторы. На террасе и в саду прогуливались гости. Больше всего на свете Жибек боялась, что Арлан увидит, как она пошла в оранжерею, и последует за ней. Вероятность такой встречи была чрезвычайно мала, но даже самую незначительную возможность этого было желательно исключить. Она вздохнула с облегчением, когда увидела на террасе его высокую фигуру. Хорошо освещенный большим фонарем, Арлан стоял в окружении трех женщин и напропалую флиртовал. За спиной у него переминался с ноги на ноги официант, терпеливо ожидая, когда он заметит его присутствие. Жибек увидела, как Арлан наконец обернулся, и официант сказал ему что-то, наверное, спросил, что тому хотелось бы выпить, решила Жибек.

Еще раз взглянув на него, Жибек с сожалением отвернулась от окна. «Арлан сейчас находится на задней террасе, – подумала она, – значит, я выйду через боковую дверь». Она вышла из дома и направилась к оранжерее, стараясь держаться подальше от света фонарей. На пороге оранжереи Жибек в нерешительности остановилась.

– Кымбат? – оглядываясь вокруг, тихо позвала она. Сквозь стеклянную крышу сюда пробивался лишь тусклый лунный свет. Не дождавшись ответа, Жибек вошла в помещение и стала осматриваться. Почти все пространство оранжереи заполняли горшки с цветами – правильными рядами они стояли на столах и скамеечках. Наиболее чувствительные растения стояли на специальных подставках под столом, чтобы их не сожгли прямые солнечные лучи, бившие в стекло в дневное время. Пытаясь успокоиться, Жибек пошла вдоль рядов, рассматривая цветы. Она отметила, что эта оранжерея больше, чем у нее в доме,

Это место можно было смело назвать – зимний сад. Здесь росли большие деревья в кадках, и стоял, огромного размера, угловой диван, с наброшенным на него уютным пледом.

Жибек продолжала двигаться по проходу и не заметила, как на пороге оранжереи возникла чья-то тень и бесшумно двинулась в ее сторону. Сцепив руки за спиной, она нагнулась понюхать Бугенвиллея.

– Жибек? – услышала она за спиной удивленный голос Арлана. Девушка круто повернулась, сердце ее застучало как сумасшедшее, руки потянулись к горлу, и колени предательски затряслись.

– В чем дело? – спросил он.

– Ты... ты испугал меня. Я не ожидала встретить тебя здесь, – добавила она.

– Да что ты? – в его голосе звучала издевка. – А кого же ты ожидала увидеть?

Жибек обратила внимание, что он, кажется, чем-то рассержен. Арлан недолго томил ее в неизвестности относительно причины своего недовольства.

– Может быть, ты объяснишь мне, почему целый день избегаешь меня, а затем, просишь встретиться в оранжерее, и сейчас, пытаешься изобразить провал в памяти?... Ты решила поиграться с моими чувствами? Начинай, жаным. Я тебя слушаю.

Жибек отступила на шаг назад.

– Я вовсе не избегаю тебя. Растерялась она, не совсем уловив его последнее предложение.

– Исходя из того, что ты не хочешь разговаривать, – продолжил Арлан, беря ее за плечи, – я, кажется, понимаю, чего ты от меня хотела.

– Нет! – быстро вскрикнула она, отступая еще дальше. – Давай лучше поговорим.

Он шагнул вперед, она отступила еще. – В самом деле, есть столько интересных вещей, о которых можно поговорить.

– Да? – спросил он, надвигаясь на нее.

– Конечно! – воскликнула она, продолжая отступать. Ухватившись за первое, что пришло ей в голову, Жибек указала на тюльпаны. – Смотрите, какие красивые тюльпаны!

– Красивые, – не глядя, согласился он.

Увидев, что он протянул руку, чтобы поймать ее, Жибек отскочила так быстро, что его пальцы только скользнули по тонкой материи платья. Он начал наступать на нее шаг за шагом – вокруг столика с анютиными глазками, вокруг столика с лилиями, а она, отступая, тараторила как сумасшедшая:

– Говоря о тюльпанах, все первым делом вспоминают Голландию с ее разноцветными цветочными полями, уходящими за горизонт. Но мало кто знает, что настоящей «тюльпановой страной» и родиной этих цветов является не европейское государство, а наш степной Казахстан.

– Жибек, – неожиданно ласковым голосом оборвал он поток ее слов, – меня не интересуют цветы.

– Арлан снова потянулся к ней, и, не найдя другого способа избежать его объятий, она схватила увесистый горшок с тюльпанами и вложила в его протянутые руки.

– Легенда о тюльпане гласит, что именно в бутоне желтого тюльпана было заключено счастье, но никто не мог до него добраться, так как бутон не раскрывался, но однажды желтый цветок в руки взял маленький мальчик и тюльпан сам раскрылся. Детская душа, беззаботное счастье и смех открыли бутон. На языке цветов тюльпан означает объяснение в любви, и этому тоже предшествует легенда. Беспамятно влюбленный в прекрасную девушку Тансылу, батыр, мечтал о счастливой жизни с любимой. Однако завистливые соперники пустили слух, будто его возлюбленная убита. Обезумевший от горя Дашгын погнал своего резвого коня на скалы и разбился насмерть. – Голос Жибек задрожал, когда она увидела, что Арлан ставит горшок на место. – Именно в том месте, где кровь несчастного принца попала на землю, выросли яркие красные цветы, отныне символ страстной любви – тюльпаны.

– Я очарован. – Его загадочные, непостижимые глаза встретились с ее взглядом.

Она поняла, что эти слова относятся к ней, а не к ее рассказу, и, хотя мысленно приказала себе держаться от него на расстоянии, ноги отказывались ей повиноваться.

– Совершенно очарован, – тихо проговорил Арлан, и в каком-то замедленном темпе она наблюдала, как он протягивает к ней руки, обнимает за плечи и привлекает к себе. Он коснулся ее губ коротким дразнящим поцелуем. У нее снова пошла кругом голова, но как только он поднял голову, она разразилась быстрой сбивчивой речью.

– Тюльпаны не единственные цветы, которые имеют свою историю. Возьмем, к примеру, лилии, которые также относятся к роду...

– Вчера ты показалась мне совершенно бесстрашной, а сегодня почему-то испугана. Жибек, ты боишься меня? Или чего-то еще?

Его глубокий низкий баритон, и особенно ласка, прозвучавшая в его голосе, произвели на нее такое же ошеломляющее действие.

– Я боюсь тех чувств, которые ты во мне пробуждаешь, – слабым голосом призналась Жибек. – Я понимаю, что это всего лишь... э-э... маленькое приключение... – сказала Жибек

Медленная обольстительная ухмылка на его лице буквально загипнотизировала ее, и, к своему ужасу, Жибек осознала, что не может оторвать взгляда от его губ. Она не смогла унять дрожь нетерпения, когда он опустил голову, чтобы поцеловать ее. Разум кричал ей, что она сумасшедшая, но сердце оправдывало ее, говоря, что это прощание, после которого они расстанутся навсегда. Мысль о предстоящей разлуке заставила ее забыть о стыде, и она приподнялась и сама поцеловала его. То, с какой страстностью Жибек прижалась к нему, одной рукой обняла его за шею, а другую положила ему на грудь, могло у любого мужчины создать впечатление, что либо она до беспамятства влюблена в него, либо весьма искушена в любовных делах. Жибек – совсем юная, неопытная и наивная – действовала по наитию, не подозревая о том, что всем своим поведением убеждает его в первом предположении.

Однако Жибек не настолько утратила самообладание, как можно было судить по ее действиям, чтобы забыть о приезде Марата. К несчастью, она и представить себе не могла, что Марат может выехать сюда раньше, чем закончит свои дела.

– Пожалуйста, послушай меня, – отчаянно прошептала Жибек. – Сегодня приедет мой брат и заберет меня домой.

– Я поговорю с ним. Возможно, у твоего брата будут возражения, даже если он поймет, что я в состоянии обеспечить твое будущее...

– Мое будущее! – Она пришла в ужас, представив, какое будущее может ждать ее с этим картежником. Он пустит ее по миру, как и отец. Жибек подумала о пустых комнатах своего дома, о брате, бабушке, которые полагались на нее, и о своих предках, которые рассчитывали на нее не меньше. Сейчас она должна сказать ему что-нибудь – что угодно, только бы заставить его замолчать, прежде чем она окончательно утратит контроль над собой и уступит этой безумной предательской слабости, которую он насылал на нее своим взглядом. Она откинула голову и, запинаясь, произнесла, стараясь придать своему голосу как можно больше холодности и удивления: – И что же ты можешь мне предложить, ? Можешь ли ты предложить мне особняк на лазурном берегу Франции, как обещал мне Даурен? Или, как Алишер, черные бриллианты, соболя, чтобы моим плечам не было холодно, или как Арсен, личный самолет, чтобы мои путешествия были куда комфортнее?

– Так вот что тебе нужно.

– Конечно, – с неестественной веселостью подтвердила она, и из груди ее вырвался полусмех-полувсхлип. – А разве не этого хотят все женщины и обещают все мужчины?

Его лицо превратилось в неподвижную маску, но глаза пронзали насквозь, будто ища ответа, словно он не мог поверить, что драгоценности могут значить для нее больше, чем чувства.

– Пожалуйста, отпусти меня, – вдруг всхлипнула Жибек, упершись руками ему в грудь.

Они были настолько увлечены разговором, что не заметили мужчину, быстро направлявшегося к ним по проходу.

– Ты, ублюдок! – прогремел голос Марата. – Ты слышишь, что она сказала! Убери свои грязные руки от моей сестры!

Руки Арлана снова обвилились вокруг нее, словно желая уберечь, но Жибек вырвалась и в слезах подбежала к Марату.

– Марат, послушай. Это совсем не то, что ты думаешь! Марат взял ее за плечи и посмотрел в лицо.

– Это Арлан, – начала объяснять она, – и...

– И как бы это ни выглядело со стороны, – поразительно спокойным голосом заговорил Арлан, – у меня самые честные намерения в отношении Жибек.

– Ах ты, сукин сын! – взорвался Марат, пылая яростью и презрением. – Чтобы я отдал свою сестру за такого, как ты! Можешь не представляться, я и так все о тебе знаю. А что до твоих намерений или, я бы сказал, ухищрений, то я все равно не позволил бы ей выйти замуж за такого мерзавца, даже если бы она не была помолвлена.

При этих словах взгляд Арлана метнулся к Жибек. Ее вспыхнувшее лицо подтвердило, что это правда, и она чуть не вскрикнула – таким циничным и жестким стал его взгляд.

–К чему ты пытался принудить мою сестру? свинья, внебрачное отродье!

Арлан перевел взгляд на Марата, и его лицо снова стало бесстрастным. Марат бросился в сторону Арлана.

– Нет, – страшно закричала Жибек, уцепившись за руку Марата. –Марат успокойся, ты слышишь? В этом не только его...

–Помолчи Жибек! – отрезал Марат, слишком раздосадованный, чтобы прислушаться к ее словам. Он скинул с себя ее руку. – Обойди вокруг дома с дальней стороны и жди меня там. А нам, – произнес он с едким сарказмом, – еще есть что обсудить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.